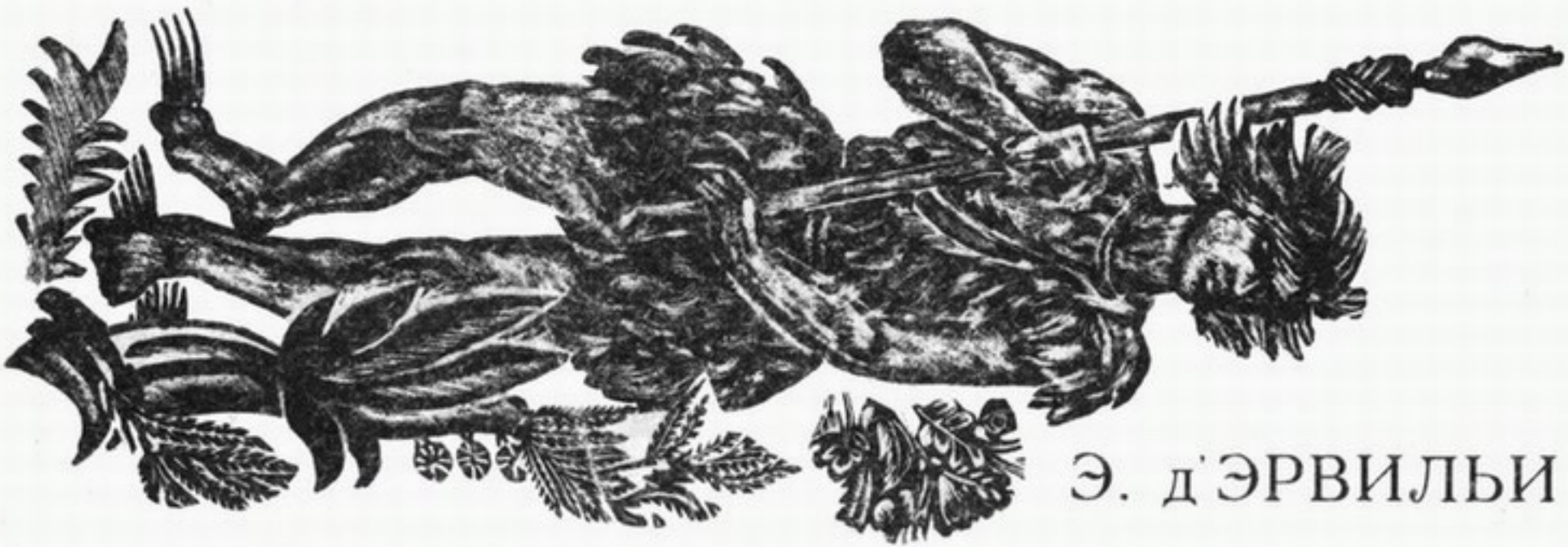
ПРИКЛЮЧЕНИЯ доисторического МАЛЬЧИКА



Э. д'ЭРВИЛЬИ

Приключения доисторического мальчика //«Народная асвета», Минск, 1989
FB2: “St_George ” <yuriy@ipss.net >, 2005-01-14, version 1.0
UUID: 19FB64A5-312E-40F5-AED7-F6F196CE2F1B
PDF: fb2pdf-j.20161111, 02.02.2017

Э. д'Эрвильи

Приключения доисторического мальчика

Доисторический мальчик по имени Крек приглашает вас к себе в гости. Адрес у него простой: пещера над рекой – там, где вода омывает холм. Вы не заблудитесь – в пещере постоянно горит огонь. Когда будете в пути, остерегайтесь диких животных. И, пожалуйста, не ошибитесь веком!

Содержание

ГЛАВА I На берегу реки 0004
ГЛАВА II Один из дней первобытных времен . . . . .
0013
ГЛАВА III Вечный враг 0025
ГЛАВА IV Долг и голод 0037
ГЛАВА V Огонь погас 0046
ГЛАВА VI Осуждение 0058
ГЛАВА VII Изгнанник 0074
ГЛАВА VIII В неведомый мир 0086
ГЛАВА IX Озерные жители 0099
ГЛАВА X Слепой вожатый 0129

ГЛАВА I На берегу реки

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу огромной реки сидел маленький девятилетний мальчик.

Могучий поток неудержимо мчался вперед: в своих желтых волнах он уносил сбившиеся в кучи ветви и травы, вырванные с корнем деревья и громадные льдины с вмерзшими в них тяжелыми камнями.

Мальчик был один. Он сидел на корточках перед связкой только что нарезанного тростника. Его худенькое тело привыкло к холоду: он не обращал никакого внимания на ужасающий шум и грохот льдин.

Отлогие берега реки густо поросли высоким тростником, а немного дальше вздымались, словно высокие белые стены, размытые рекою обрывистые откосы меловых холмов.

Цепь этих холмов терялась вдали, в туманном и голубоватом сумраке; дремучие леса покрывали ее.

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того места, где река омывала холм, зияла, точно громадная разинутая

пасть, широкая черная дыра, которая вела в глубокую пещеру.

Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились и предки его предков.

Только через эту темную дыру входили и выходили суровые обитатели пещеры, через нее они получали воздух и свет; из нее вырывался наружу дым очага, на котором днем и ночью старательно поддерживался огонь.

У подножия зияющего отверстия лежали огромные камни, они служили чем-то вроде лестницы.

На пороге пещеры показался высокий, сухощавый старик с загорелой морщинистой кожей. Его длинные седые волосы были приподняты и связаны пучком на темени. Его мигающие красные веки были воспалены от едкого дыма, вечно наполняющего пещеру. Старик поднял руку и, прикрыв ладонью глаза под густыми, нависшими бровями, взглянул по направлению к реке. Потом он крикнул:

– Крек! – Этот хриплый отрывистый крик походил на крик вспугнутой хищной птицы.

«Крек» означало «птицелов». Мальчик по-

лучил такое прозвище недаром: с самого детства он отличался необычайной ловкостью в ночной ловле птиц: он захватывал их сонными в гнездах и с торжеством приносил в пещеру. Случалось, за такие успехи его награждали за обедом изрядным куском сырого костного мозга – почетного блюда, приберегаемого обычно для старейшин и отцов семейства.

Крек гордился своим прозвищем: оно напоминало ему о ночных подвигах.

Мальчик обернулся на крик, мгновенно вскочил с земли и, захватив связку камыша, подбежал к старику.

У каменной лестницы он положил свою ношу, поднял в знак почтения руки ко лбу и произнес:

– Я здесь, Старейший! Чего ты от меня желаешь?

– Дитя, – ответил старик, – все наши ушли еще до зари в леса на охоту за оленями и широкорогими быками. Они вернутся только к вечеру, потому что – запомни это – дождь смывает следы животных, уничтожает их запах и уносит клочья шерсти, которые они оставляют на ветвях и корявых стволах деревьев. Охотникам придется много потрудиться, прежде чем они встретят добычу. Значит, до самого вечера мы можем заниматься своими делами. Оставь свой тростник. У нас довольно древков для стрел, но мало каменных наконечников, хороших резцов и ножей: все они обточились, зазубрились и обломались.

– Что же ты повелишь мне делать, Старей-

ший?

– Вместе с братьями и со мной ты пойдешь вдоль Белых холмов. Мы запасемся большими кремнями; они часто попадаются у подножья береговых утесов. Сегодня я открою тебе секрет, как их обтесывать. Уже пора, Крек. Ты вырос, ты силен, красив и достоин носить оружие, сделанное собственными руками. Обожди меня, я пойду за другими детьми.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил Крек, склоняясь перед стариком и с трудом сдерживая свою радость.

Старик ушел в пещеру, откуда внезапно раздались странные гортанные возгласы, похожие скорее на крики встревоженных молодых животных, чем на человеческие голоса.

Старик назвал Крека красивым, большим и сильным. Он, должно быть, хотел подбодрить мальчика; ведь на самом деле Крек был мал, даже очень мал, и очень худощав.

Широкое лицо Крека было покрыто красным загаром, надо лбом торчали жидкие рыжие волосы, жирные, спутанные, засыпанные пеплом и всяким сором. Он был не слишком красив, этот жалкий первобытный ребенок.

Но в его глазах светился живой ум; его движения были ловки и быстры.

Он стремился поскорее двинуться в путь и нетерпеливо ударял широкой ступней с крупными пальцами о землю, а всей пятерней сильно тянул себя за губы.

Наконец старик вышел из пещеры и стал спускаться по высоким каменным ступеням с проворством, удивительным для его преклонных лет. За ним шла целая орда мальчуганов-дикарей. Все они, как и Крек, были чуть прикрыты от холода жалкими плащами из звериных шкур.

Самый старший из них – Гель. Ему уже минуло пятнадцать лет. В ожидании того великого дня, когда охотники, наконец, возьмут его с собой на охоту, он успел прославиться как несравненный рыболов.

Старейший научил его вырезывать из раковин острием кремневого осколка смертоносные крючки. При помощи самодельного гарпуна с зазубренным костяным наконечником Гель поражал даже громадных лососей.

За ним шел Рюг-большеухий. Если бы в то время, когда жил Рюг, человек уж приручил

собаку, о Рюге непременно сказали бы: «У него собачий слух и нюх».

Рюг по запаху узнавал, где в частом кустарнике созрели плоды, где показались из-под земли молодые грибы; с закрытыми глазами распознавал он деревья по шелесту их листьев.

Старейший подал знак, и все двинулись в путь. Гель и Рюг гордо выступали впереди, а за ними серьезно и молча следовали все остальные.

Все маленькие спутники старика несли на спине корзины, грубо сплетенные из узких полосок древесной коры; одни держали в руках короткую палицу с тяжелой головкой, другие – копье с каменным наконечником, а третьи – что-то вроде каменного молота.

Они шли тихо, ступали легко и неслышно. Недаром старики постоянно твердили детям, что им надо привыкнуть двигаться бесшумно и осторожно, чтобы на охоте в лесу не спугнуть дичи и не попасть в когти диким зверям, не угодить в засаду к злым и коварным людям.

Матери подошли к выходу из пещеры и с

улыбкой смотрели вслед уходящим.

Тут же стояли две девочки, стройные и высокие, – Маб и Он. Они с завистью смотрели вслед мальчикам.

Только один, самый маленький представитель первобытного человечества остался в дымной пещере; он стоял на коленях около очага, где посреди огромной кучи пепла и потухших углей слабо потрескивал огонек.

Это был младший мальчик – Ожо.

Ему было грустно; время от времени он тихо вздыхал: ему ужасно хотелось пойти со Старейшим. Но он сдерживал слезы и мужественно исполнял свой долг.

Сегодня его черед поддерживать огонь от зари до ночи.

Ожо гордился этим. Он знал, что огонь – самая большая драгоценность в пещере; если огонь погаснет, его ждет страшное наказание. Поэтому, едва мальчуган замечал, что пламя уменьшается и грозит потухнуть, он начинал быстро подбрасывать в костер ветки смолистого дерева, чтобы вновь оживить огонь.

И если порой глаза Ожо заволакивались слезами, то единственным виновником этих

слез был едкий дым костра.

Скоро он и думать перестал о том, что делают теперь его братья. Другие заботы удручали маленького Ожо: он был голоден, а ведь ему едва минуло шесть лет...

Он думал о том, что если старейшины и отцы вернутся сегодня вечером из лесу с пустыми руками, то он получит на ужин всего-навсего два-три жалких побега папоротника, поджаренных на угольях.

ГЛАВА II Один из дней первобытных времен

Ожо был голоден, а его братья были еще голодней: ведь они долго шли на холодном ветру. Старейший всю дорогу шепотом и знаками объяснял им, как узнавать росшие по берегу водяные растения. В зимнее время, когда нет мяса, их мясистыми корнями можно с грехом пополам наполнить голодный желудок.

Он говорил, а его маленьких путников томило желание украдкой сорвать и проглотить дикие ягоды и плоды, которые каким-то чудом уцелели от морозов. Но есть в одиночку строго воспрещалось. Все, что находили, приносили в пещеру. Дети привыкли, что только в пещере, после осмотра старшими, добыча делилась между всеми. Поэтому они пересиливали искушения голода и опускали в мешки все, что собирали по пути.

Увы! Пока что им удалось найти только с десяток маленьких сухих яблок, несколько тощих, полузамерзших улиток и серую змейку,

не толще человеческого пальца. Змейку нашел Крек. Она спала под камнем, который он повернул. У Крека была привычка: куда бы он ни шел, переворачивать по дороге все камни, какие были ему под силу.

Но если нашим путникам попадалось по дороге мало съедобного, то большие куски кремня во множестве валялись по склонам холмов. Мешки мальчуганов сильно потяжелели. Самые маленькие шли, согнувшись под своей ношей. И все-таки они изо всех сил старались скрыть свою усталость. Дети знали, что старшие привыкли молча переносить страдания и будут смеяться над их жалобами.

Дождь, мелкий град не прекращались ни на минуту.

Крек бодро шагал вслед за стариком, мечтая о том времени, когда он станет великим и славным охотником и будет носить настоящее оружие, а не маленькую детскую палицу. Пот градом катился с него, и немудрено: он тащил два огромных кремневых желвака.

За ним нахмурившись шли Гель и Рюг; их разбирала досада. Оба они, точно на смех, ничего не нашли за всю дорогу. Хоть бы рыбеш-

ку какую-нибудь поймали. Отыскали всего-навсего какого-то заморенного паука, такого же голодного, как и они.

Остальные брели как попало, съежившись и понурив головы. Дождь давно уже струился по их растрепанным волосам и впалым щекам.

Так шли они долго. Наконец Старейший дал знак остановиться. Все тотчас же повиновались ему.

– Вот там, на берегу, под навесом утеса, есть хорошее сухое местечко для отдыха, – сказал он. – Садитесь... Откройте ваши мешки.

Кто лег, кто присел на корточки на песок. Лучшее место под навесом мальчики предоставили Старейшему.

Крек показал старику все, что нашлось в мешках, и почтительно поднес ему маленькую змейку. Такой лакомый кусок, по его мнению, должен был достаться Старейшему.

Но старик тихонько оттолкнул протянутую руку мальчика и сказал:

– Это вам! Если нет жареного мяса, я буду жевать корни. Я привык к этому, так делали

мои отцы. Посмотрите на мои зубы, – вы увидите, что мне часто приходилось есть сырое мясо и разные плоды и корни. Во времена моей молодости прекрасный друг – огонь, который все мы должны почитать, нередко надолго покидал наши стоянки. Иногда целыми месяцами, а то и годами, мы, не имея огня, натруждали свои крепкие челюсти, пережевывая сырую пищу. Принимайтесь за еду, дети. Пора!

И дети с жадностью набросились на жалкое угощение, которое им роздал старик.

После этого скудного завтрака, который только чуть-чуть утолил голод путешественников, старик приказал детям отдохнуть.

Они тесно прижались друг к другу, чтобы получше согреться, и сразу заснули тяжелым сном.

Только один Крек ни на минуту не мог сомкнуть глаз. Скоро с ним будут обращаться как с настоящим взрослым юношей, – эта мысль не давала ему заснуть. Он лежал не шевелясь и украдкой, с глубокой любовью и даже с некоторым страхом наблюдал за стариком. Ведь Старейший столько перевидал

на своем веку, знал столько таинственных и чудесных вещей.

Старик, медленно пережевывая корень, внимательно, зорким и опытным глазом осматривал один за другим куски кремня, лежавшие около него.

Наконец он выбрал кремень, округлый и длинный, похожий на огурец, и, придерживая его ногами, поставил стоймя.

Крек старался запомнить каждое движение старика.

Когда кремень был крепко зажат в этих природных тисках, старик взял обеими руками другой камень, более тяжелый, и несколько раз осторожно ударил им по закругленной верхушке кремня. Легкие, едва заметные трещины пошли вдоль всего кремня.

Потом Старейший аккуратно приложил этот грубый молот к обитой верхушке и навалился на него всем своим телом с такой силой, что жилы вздулись на его лбу; при этом он слегка поворачивал верхний камень; от боков кремня отлетали длинные осколки разной ширины, похожие на продолговатые полумесяцы, с одного края толстые и шерохова-

тые, с другого – тонкие и острые. Они падали и рассыпались по песку, словно лепестки большого увядшего цветка.

Эти прозрачные осколки, цвета дикого меда, резали не хуже наших стальных ножей. Но они были непрочны и скоро ломались.

Старик передохнул немного, потом выбрал один из самых крупных осколков и принялся оббивать его легкими частыми ударами, стараясь придать ему форму наконечника для копья.

Крек невольно вскрикнул от удивления и восторга: он собственными глазами видел, как изготовляют ножи и наконечники для копий и стрел.

Старейший не обратил никакого внимания на возглас Крека. Он принялся собирать острые лезвия.

Но вдруг он насторожился и быстро повернул голову к реке. На его обычно спокойном и гордом лице отразились сперва удивление, а потом невыразимый ужас.

С севера доносился какой-то странный, неясный шум, пока еще далекий; порой слышалось ужасающее рычание. Крек был храбр,

и все же ему стало страшно. Он попытался остаться спокойным и, подражая старику, насторожился, схватившись рукой за палицу.

Шум разбудил детей. Дрожа от страха, они повскакали со своих мест и кинулись к старику. Старейший велел им немедля забраться на вершину почти отвесной скалы. Дети тотчас принялись карабкаться кверху, ловко цепляясь руками за каждый выступающий камень, пользуясь каждой выбоиной в скале, чтобы поставить ногу. На небольшом уступе, неподалеку от вершины, они улеглись на животы, облизывая ободранные в кровь пальцы.

Старик не мог последовать за ними. Он остался под выступом скалы, и Крек упрямо отказался покинуть его.

– Старейший! – воскликнул он. – Неведомая опасность грозит нам, как ты говоришь. Ты любишь меня, и я не покину тебя. Мы вместе умрем или вместе победим. Ты непоколебим и силен, ты будешь сражаться, а я... если оттуда идут к нам злые люди или дикие звери, – я прокушу им печень.

Пока Крек, размахивая руками, произносил эту воинственную речь, грозный шум

усилился. С каждой минутой он приближался к месту, где укрылись старик и ребенок.

– У тебя, Крек, глаза зоркие и молодые. Посмотри на реку. Что ты видишь?

– Небо потемнело от больших птиц. Они кружатся над водой. Наверно, их злобные крики и пугают нас.

– А на воде ты ничего не видишь? Посмотри еще раз. Птицы кружатся над рекой? Значит, они следуют за какой-то плывущей по реке добычей, выжидая, когда можно будет накинуться на нее. Но кто же это так страшно рычит и ревет? Я подниму тебя, – взгляни еще раз.

Но и на руках у Старейшего Крек напрасно всматривался вдаль.

– Что видно сверху? – крикнул старик детям, лежавшим в безопасности на скале, над его головой. – Говори ты, Рюг.

– Что-то огромное черное виднеется на белой глыбе далеко, посередине реки, – ответил мальчик. – Но что это – разобрать нельзя. Черное шевелится.

– Хорошо, Рюг. Не черный ли это широкорогий бык?

– Нет, это чудовище больше широкорогого быка! – воскликнул Рюг.

– Слушай, Старейший! – вскричал Гель. – Теперь не одно, а два черных пятна видны на белой глыбе, и оба они шевелятся; а возле них глыба совсем красная.

– Я вижу их! Я их вижу! – подхватил Крек, побледнев и задрожав всем телом. – Там два зверя, и оба огромные. Они на льдине, а льдина больше нашей пещеры. Они не двигаются. Сейчас они проплывут мимо нас. Вот смотри! Мы погибли!

Старейший поставил Крека на землю и обернулся к реке.

То, что увидел старый охотник, заставило его побледнеть от ужаса. Крек и остальные дети плакали и дрожали от страха.

По пенистым, мутным волнам, шум которых сливался с оглушительным криком бесчисленного множества хищных птиц, плыла, кружась и покачиваясь, гигантская льдина.

На льдине виднелся чудовищной величины слон-мамонт с косматой гривой. Задние ноги животного глубоко провалились, словно в западню, в трещину льда. Зверь стоял, с тру-

дом опираясь передними ногами на края трещины; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего, словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Все тело зверя было залито кровью, струившейся из пронзенного брюха. Он рычал и ревел в предсмертных судорогах.

Рядом с ним лежал огромный косматый носорог, поразивший своим рогом мамонта, – лежал неподвижно и безмолвно, задушенный своим могучим врагом.

В ту минуту, когда чудовища проплывали на окровавленной льдине мимо Старейшего, гигантский слон страшно заревел и свалился на труп побежденного врага.

Земля задрожала от этого предсмертного крика. Эхо долго-долго повторяло его, а хищные птицы на мгновение словно замерли в воздухе.

Но затем они с новой яростью бросились на приступ ледяного плота, где покоились теперь два гигантские трупа. Коршуны и орлы накинулись наконец на добычу.

Глыба льда исчезла из виду, унося трупы страшных зверей. Старик обтер рукой пот с

обветренного лица и позвал своих маленьких спутников.

Стуча зубами, еле ступая дрожащими ногами, бедняжки спустились к старику, руку которого все еще судорожно сжимал Крек.

Разве можно было теперь приниматься за работу? Урок изготовления кремневых орудий был отложен, и все в угрюмом молчании, опасливо поглядывая по сторонам, двинулись обратно к пещере.

Дети поминутно оборачивались и смотрели назад. Они все еще слышали шум летевших птиц. Им чудилось, что их настигает один из тех прожорливых зверей, которые, наверное, следовали за жуткой льдиной.

Но мало-помалу они успокоились, и Крек, улыбаясь, сказал на ухо Рюгу:

– Ожо завидовал нам, когда мы уходили. А теперь, пожалуй, будет рад, что ему пришлось остаться хранителем огня: ему не было так страшно, как нам.

Но Рюг покачал головой и возразил:

– Ожо смелый; он, наверное, пожалеет, что не видел этих чудовищ.

ГЛАВА III Вечный враг

Дети без помехи вернулись домой до наступления ночи.

После страшного приключения, рассказ о котором заставил дрожать матерей и плакать маленьких сестер, родная пещера, жалкая и дымная, показалась детям уютным жильем.

Здесь им нечего было бояться. Кругом поднимались крепкие каменные стены, а яркий огонь нежно ласкал и согревал их.

Огонь – лучший друг человека: он побеждает холод, он отпугивает диких зверей. Но есть один враг, против которого бессилен даже огонь.

Этот вечный враг всегда подстерегает человека и несет ему гибель, стоит только перестать с ним бороться, – этот вечный враг, всегда и во все времена был врагом жизни вообще.

Имя этому неумолимому врагу, этому жадному тирану, который даже и в наши дни продолжает свои опустошительные набеги на землю и истребляет тысячи людей, имя ему – голод.

Прошло четыре долгих дня с тех пор как дети вернулись в пещеру, а охотники – деды и отцы – все еще отсутствовали.

Не заблудились ли они в лесу, несмотря на свою опытность? Или охота оказалась безуспешной? Или они напрасно рыскают до сих пор по лесу? – Никто не знал этого.

Впрочем, и Старейший, и матери, и дети привыкли к таким долгим отлучкам отцов. Они знали – охотники ловки, сильны, находчивы, и совсем не беспокоились о них. Оставшихся дома одолевали иные заботы: все запасы пищи в пещере иссякли.

Небольшой кусок протухшей оленины – остаток от прошлой охоты – съели еще в первые дни.

В пещере не оставалось ни кусочка мяса; приходилось приниматься за свежие шкуры, отложенные для одежды.

Маленькими плоскими кремнями с искусно зазубренными острыми краями женщины соскоблили шерсть и отделили жилки с тяжелых шкур. Затем они разрезали кожи на небольшие куски. Эти еще покрытые пятнами крови куски вымочили в воде и варили их

до тех пор, пока они не превратились в густую клейкую массу.

Нужно заметить, что этот отвратительный суп варился без горшка. Изготовлять глиняную посуду люди научились гораздо позже, чем орудия из грубо обтесанного и обитого камня.

В пещере Крека воду кипятили в искусно сплетенных мешках – корзинах из древесной коры; такой мешок, разумеется, нельзя было ставить на горящие уголья; чтобы нагреть воду, в мешок бросали один за другим докрасна раскаленные на огне камни. В конце концов вода закипала, но какой мутной и грязной становилась она от золы.

Несколько корней, с трудом вырванных из замерзшей земли, были съедены.

Гель принес какую-то отвратительную рыбу. Это было все, что ему удалось поймать после долгих и тяжких усилий. Но и эту жалкую добычу встретили с радостью. Ее тотчас же разделили и тут же съели: рыбу даже не потрудились поджарить на угольях. Но рыба была небольшая, а голодных ртов много. Каждому досталось по крошечному кусочку.

Старейший, желая хоть чем-нибудь занять измученных голодом обитателей пещеры, решил раздать всем какую-нибудь работу. Об этих работах мы поговорим позже, а пока осмотрим пещеру.

Наше счастье, что мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спертого воздуха, царивших в этом мрачном убежище первобытных людей.

Некогда почвенные воды вырыли в толще мягкой горной породы обширный глубокий погреб. Главная пещера сообщалась узкими проходами с другими, более мелкими пещерами. Со сводов, потемневших от дыма, свешивались сталактиты и падали тяжелые капли воды. Вода просачивалась повсюду, стекала по стенам, накапливалась в выбоинах пола. Правда, пещера спасала первобытного человека от свирепого холода, но это было нездоровое, сырое жилище. Обитатели ее часто простужались, болели. В наше время ученые нередко находят в таких пещерах вздутые, изуродованные кости.

Но вернемся в жилище Крека. Вдоль стен

главной пещеры, на грязной, покрытой нечистотами земле, лежали кучи листьев и мха, прикрытые кое-где обрывками звериных шкур, – постели семьи.

Посреди пещеры возвышалась глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей, с краю она была чуть теплая, но посредине горел небольшой костер; Крек, дежурный хранитель огня, беспрестанно подбрасывал хворост, вытягивая его из лежавшей рядом связки.

Среди пепла и углей виднелись разные объедки и отбросы: обглоданные кости, расколотые в длину, с вынутым мозгом, обгорелые сосновые шишки, обуглившиеся раковины, пережеванная кора, рыбьи кости, круглые камни и множество кремней разной формы.

Эти обломки кремней – остатки обеденных «ножей», резцов и других орудий. Кремневые орудия очень хрупки, и они часто тупились и ломались. Тогда их просто бросали в мусорную кучу.

Первобытные люди, конечно, и представить себе не могли, что когда-нибудь их отда-

ленные потомки будут рыться в кухонных отбросах, искать затупившиеся сломанные ножи, подбирать угольки их очага, чтобы потом выставить их в просторных залах великолепных музеев.

В этой первобытной квартире не было никакой мебели. Несколько широких раковин, несколько плетеных мешков из коры или тростника, нечто вроде больших чаш, сделанных из черепов крупных животных, составляли всю домашнюю утварь.

Зато оружия было много – и оружия страшного, хотя и очень грубо сделанного. В пещере хранился большой запас копий, дротиков и стрел. Здесь были острые каменные наконечники, прикрепленные к древку с помощью растительного клея, древесной и горной смолы или жил животных. Здесь были костяные кинжалы – заостренные отростки рогов оленей и быков; здесь были палицы – зубчатые палки с насаженными на них клыками животных, каменные топоры с деревянными рукоятками, кремневые резцы всех размеров и, наконец, круглые камни для пращи.

Но мы напрасно стали бы искать в пещере

какого-нибудь домашнего животного. Ни собаки, ни кошки, ни курицы не было видно у очага, возле мусорных куч. В те далекие времена человек еще не умел приручать животных.

Крек никогда не видел и не пробовал ни коровьего, ни козьего молока.

И никто в те суровые времена, о которых идет речь в нашем рассказе, не видал и не знал, что такое колос ржи или ячменя. Никто, даже сам Старейший.

Быть может, он и находил иногда во время своих странствий по равнинам высокие, незнакомые ему растения, свежие колосья которых он растирал в руках, пробовал есть и находил вкусными. Наверное, он указывал на эти колосья своим спутникам, и те тоже с удовольствием грызли вкусные зерна.

Однако понадобились века и века, прежде чем потомки этих людей научились, наконец, собирать семена растений, сеять их возле своих жилищ и получать много вкусного и питательного зерна. Но Крек никогда в жизни не видел ни хлеба, ни зерновой каши.

Обитатели пещеры не могли похвастать

большими запасами пищи. Охота и рыбная ловля, особенно в холодное время года, доставляли так мало добычи, что ее хватало лишь на дневное пропитание, и прятать в запас было нечего. Кроме того, пещерный человек был слишком беспечен, чтобы думать о завтрашнем дне. Когда ему удавалось раздобыть сразу много мяса или рыбы, он по нескольку дней не выходил из пещеры и пировал до тех пор, пока у него оставался хоть один кусок дичины.

Так случилось и теперь. Старшие ушли в лес на охоту только тогда, когда в пещере уже не оставалось почти ничего съестного. Немудрено, что на четвертый день их отсутствия обитатели пещеры начали глодать уже обглоданные раньше и брошенные в золу кости.

Старейший приказал Рюгу собрать все эти кости и перетолочь их на камне. Потом Рюг вооружился каменным скребком и принялся соскребывать горькую обуглившуюся кору с побегов папоротника, собранных когда-то маленьким Ожо.

Девочки, Маб и Он, стойко, без жалоб и сте-

наний переносившие голод, получили приказание зашить рваные меха – запасную одежду семьи.

Одна прокалывала костяным шилом дырочки в разорванных краях жирных шкур, другая продевала в эти дырочки при помощи довольно тонкой костяной иглы, очень похожей на нашу штопальную, жилы и сухожилия животных. Они так увлеклись этой трудной работой, что забыли на время терзавший их мучительный голод.

Остальные дети, по приказу Старейшего и под его наблюдением, чинили оружие; даже из самых мелких кремней старик учил изготовлять наконечники для стрел.

Ожо, несмотря на суровую погоду, послали за желудями. Это было не слишком приятное занятие. Когда снег покрывал землю, на поиски желудей выходили опасные соперники человека – голодные кабаны.

Но Ожо не боялся встретиться с ними. Он не хуже Крека лазил по деревьям, и в случае опасности сумел бы вмиг вскарабкаться на ветки.

Впрочем, время от времени Рюг-больше-

ухий выходил взглянуть, где Ожо и что с ним.

Рюг взбирался по тропинке, которая поднималась зигзагами от пещеры к вершине холма, и издали ободрял маленького братишку. В то же время он чутко прислушивался.

Но всякий раз ветер доносил до него только шум леса. Как ни настораживал Рюг свои большие уши, он не слышал шагов охотников.

День близился к концу, и никто уже не надеялся увидеть сегодня охотников. Постепенно всеми овладело тупое, мрачное отчаяние.

Чтобы как-нибудь подбодрить наголодавшихся обитателей пещеры, Старейший приказал всем идти в лес, на вершину холма, и, пока еще не наступила ночь, поискать какой-нибудь пищи.

Быть может, вместе со старшими дети скорее найдут в этом уже не раз обысканном лесу что-нибудь съедобное – натеки древесного клея, зимних личинок, плоды или семена растений.

Все безропотно повиновались приказу Старейшего; казалось, у многих пробудилась надежда.

Женщины взяли оружие, дети захватили палки, и все ушли.

Один Крек остался у костра, гордый оказанным ему доверием. Он должен был до самого вечера поддерживать огонь на очаге и поджидать возвращения маленького Ожо.

ГЛАВА IV Долг и голод

Крек довольно долго сидел на корточках перед очагом, усердно поддерживая огонь и занимаясь ловлей отвратительных насекомых, бегавших по его телу. Внезапно у входа в пещеру, усыпанного мелкими камнями и ракушками, послышались легкие и быстрые шаги.

Крек повернул голову и увидел запыхавшегося Ожо. Глаза Ожо сияли от радости: он тащил за хвост какое-то животное вроде большой черноватой крысы.

Это была пеструшка, предок тех самых пеструшек, которые и теперь еще населяют равнины Сибири.

– Посмотри, это я ее убил, – кричал Ожо, – я один! Крек, я буду охотником!

Он бросил эверька к ногам брата и, не замечая, что, кроме Крека, в пещере никого не было, громко закричал:

– Скорей, скорей! Идите за мной! Сейчас же! Их еще много там, наверху. Мне одному их не догнать, но если мы пойдем все вместе, мы их переловим и поедим вволю сегодня ве-

чером. Ну, живо!

– Не кричи так громко. Разве ты не видишь – все ушли в лес, – остановил его Крек. – Остался только один я. Что, ты ослеп, что ли?

Ожо оглянулся – брат говорил правду. Ожо растерялся. На пути домой он так ясно представлял себе, как все обрадуются его добыче. «Даже Старейший,

– думал он, – похвалит меня». И вдруг – в пещере один Крек, да и тот чуть ли не смеется над ним.

Но надо было спешить, иначе великолепная добыча могла ускользнуть от них. И Ожо принялся торопить брата. Стоило только подняться к опушке дубового леса, чтобы убить много пеструшек. Крек встрепенулся и вскочил на ноги.

– Живей! – крикнул он. – В дорогу!

Принести в пещеру много пищи да еще в такой голодный день! Крек схватил тяжелую палку и бросился вслед за братом.

Но вдруг он вспомнил об огне и остановился в нерешительности.

– Иди же, – торопил Ожо с порога пещеры. – Иди, а то поздно будет. Я видел малень-

кую стаю у Трех Мертвых Сосен. Мы еще захватим их там, если поторопимся. Ведь я прибежал сюда бегом.

– А огонь, Ожо? – воскликнул Крек. – Смотри, он только что весело потрескивал, а теперь уже потухает. Ведь его все время нужно кормить.

– Ну, так дай ему поесть, – ответил мальчик. – Дай ему побольше еды. Мы не долго будем охотиться. Он не успеет всего пожрать, как мы уже вернемся.

– Ты думаешь, Ожо?

– Ну конечно. Мы дойдем до прогалины у Трех Мертвых Сосен и быстро вернемся назад. Вдвоем мы набьем много зверьков. И там, наверху, мы напьемся их теплой крови.

Бедный Крек колебался. Напиться теплой крови было очень заманчиво – голод так жестоко терзал его. Крек стоял и раздумывал. Пожалуй, Ожо прав: если подбросить побольше ветвей, огонь, наверное, не погаснет. Они скоро вернутся и принесут много еды. А в пещере все чуть ли не умирают от голода. Матери и сестры так измучены... Крек больше не колебался.

Он подбросил немного дров в огонь и в два-три прыжка нагнал Ожо.

Мальчики скоро добрались до вершины холма. Оттуда они пустились бежать к прогалине у Трех Мертвых Сосен.

Это место легко было узнать по трем громадным соснам. Они давным-давно засохли, но все еще стояли, протягивая, словно гигантские костлявые руки, свои голые ветви. Здесь, у сосен, мальчики увидели, что папоротники и высокая желтая трава у корней деревьев сильно колышутся. Это казалось странным, потому что ветер совсем стих.

– Вот они! – прошептал Ожо, дрожа и волнуясь, на ухо Креку. – Вот они... Это они колышут траву. Нападем на них!

Братья кинулись вперед с поднятыми палками и в несколько прыжков очутились среди животных, которые бесшумно двигались в траве. Мальчики стали наносить удары направо и налево, стараясь перебить как можно больше зверьков.

В пылу охоты маленькие охотники позабыли о времени и совсем не замечали, что творилось вокруг. Между тем в соседних ле-

сах раздавался вой и рев. Тысячи хищных птиц, оглушительно каркая и крича, кружились над головами Крека и Ожо.

Изнемогая от усталости, еле шевеля руками, братья на минуту приостановили свою охоту. Оглянулись и прислушались. Со всех сторон до них доносился визг, вой. Повсюду, насколько хватало глаз, трава колыхалась и дрожала, словно волны зыбкого моря. Стаи пеструшек все прибывали. Вместо прежних сотен кругом были уже десятки тысяч зверьков.

Крек и Ожо поняли (им случалось и раньше, – правда, издали, – видеть нечто подобное), что они попали в самую средину огромного полчища переселяющихся крыс.

В приполярных тундрах даже и в наше время удается иногда наблюдать переселение житников и пеструшек. Ничто не может остановить движение этих мелких зверьков. Они преодолевают все препятствия на своем пути, переплывают реки и покрывают несметными стаями громадные пространства.

Положение Крека и Ожо стало не только затруднительным, но и опасным. Оживление

первых минут охоты исчезло; его сменили страх и усталость. К несчастью, мальчики слишком поздно поняли, как неосторожно они поступили, бросившись очертя голову в стаю переселяющихся крыс.

Со всех сторон их окружали несметные полчища грызунов. Напрасно братья снова взялись за оружие: на смену убитым крысам тотчас появлялись новые. Задние ряды напирали на передние, и вся масса продолжала нестись вперед, словно живая и грозная лавина. Еще немного – и грызуны нападут на детей. Зверьки с отчаянной смелостью бросались на маленьких охотников, их острые зубы так и впивались в босые ноги мальчиков. Братья в испуге кинулись бежать. Но зверьки двигались сплошным потоком, ноги мальчиков скользили по маленьким телам. Каждую минуту дети могли оступиться и упасть.

Они остановились. Упасть – это умереть, и умереть страшной смертью. Тысячи крыс накинулись бы на них, задушили и растерзали бы их.

Но в эту минуту Крек взглянул на мертвые сосны, вблизи которых они стояли. Счастли-

вая мысль внезапно пришла ему в голову: стоит добраться до этих могучих деревьев, и они будут спасены.

И маленькие охотники, несмотря на усталость и жестокие укусы крыс, снова пустили в дело свои палки. С огромным трудом им удалось наконец пробиться к подножию сосен. Тут Крек подхватил Ожо к себе на спину и ловко вскарабкался по стволу.

Несколько сотен зверьков кинулись было вслед за ними, но их сейчас же опрокинули и смяли задние ряды.

Крек посадил Ожо на один из самых крепких и высоких суков и, все еще дрожа от страха, огляделся вокруг.

Далеко-далеко, куда только ни достигал взгляд, земля исчезала под сплошным покровом черных и серых крыс. От высохшей травы не осталось и следа. Передние стаи все пожрали.

Стремительное движение пеструшек не прекращалось ни на минуту и грозило затянуться на всю ночь. Ожо, чуть живой от страха и холода, крепко прижимался к брату. Не то было с Креком. Едва он почувствовал себя

в безопасности, как самообладание и смелость вернулись к нему. Он зорко оглядывался кругом и отгонял палкой хищных птиц, которые сопровождали полчища пеструшек. Эти птицы сотнями опускались на ветви мертвой сосны рядом с детьми, оглушая их своими дикими криками.

К ночи над равниной разостлалась пелена ледяного тумана. Но еще прежде, чем он успел сгуститься, мальчики заметили неподалеку от своего убежища громадного черного медведя.

Могучий зверь, попав в поток движущихся крыс, сам, казалось, находился в большом затруднении. Он яростно метался из стороны в сторону, поднимался на задние лапы, прыгал и жалобно рычал.

– Брат, – сказал Крек, – видно, нам не вернуться сегодня вечером в пещеру. Уже темно, ничего не разглядеть, но я по-прежнему слышу сильный и глухой шум. Это крысы. Им нет конца! Мы, наверное, останемся здесь до утра.

– Что ж, подождем до утра, – решительно ответил маленький Ожо. – У тебя на руках мне не холодно и не страшно, и я не голоден.

– Спи, – ответил Крек, – я буду тебя караулить.

Младший брат скоро заснул, а Крек сторожил его. С мучительной тоской думал он об огне, о нетерпеливом и прожорливом огне, который он так легкомысленно оставил без всякого призора. Огонь, конечно, погас, погас раньше, чем вернулись отцы или Старейший.

ГЛАВА V Огонь погас

Что же делали остальные обитатели пещеры, пока Крек, разоритель гнезд, вместе с маленьким братом воевал с легионами пеструшек? Мы помним, что Старейший повел женщин и детей в лес на поиски пищи.

Едва они начали собирать сухие плоды буковых деревьев, как где-то далеко, очень далеко, в туманной дали, среди безлистных деревьев послышались глухие шаги.

Старейший, приложив пальцы к губам, приказал своим спутникам хранить глубокое молчание и стал прислушиваться. Но вскоре лицо его прояснилось.

Рюг-большеухий припал к земле и, зарывшись с головой в траву, вслушивался.

– Ну, Рюг? – спросил старик.

– Идут люди, много людей.

– Это наши. Тревожиться не о чем.

Крик радости вырвался у женщин и детей, но старик остановил их.

– Прислушайтесь! – Продолжал он. – Охотники идут медленно и ступают тяжело. Значит, они несут какую-нибудь ношу. Что они

несут? Быть может, раненого? Или тащат на плечах тяжелую добычу? Сейчас мы это узнаем.

Звук шагов, между тем, с каждой минутой становился все явственнее и явственнее. Наконец вдали показалась группа людей.

Зоркие глаза женщин сразу распознали мужей и братьев.

– Это наши, наши! – закричали они.

При этом известии дети запрыгали от радости. Но Старейший сурово приказал им стоять смирно.

Затем он двинулся навстречу прибывшим, потрясая чем-то вроде начальнического жезла, сделанного из оленьего рога. Ручка его была покрыта рисунками, изображающими диких зверей.

Охотники приветствовали старика протяжными дружественными криками.

Они рассказали Старейшему о своих странствиях по лесам, а он поведал им, что за это время произошло в пещере.

Охотники принесли часть туши молодого северного оленя и половину лошади. Это было все, что им удалось добыть. Дичи стало го-

раздо меньше: уж очень много гонялось за ней охотников соседних племен. С такими охотниками повстречались обитатели пещеры и даже вступили с ними в бой. Но враги бежали после первой же схватки. Никто из жителей пещеры не погиб.

Только у некоторых охотников на коже виднелись царапины и ссадины, запекшиеся кровавые рубцы. Другие прихрамывали и шли, опираясь, вместо костыля, на сломанный сук.

Наконец охотники приблизились настолько, что можно было расслышать их голоса. Тогда матери подняли детей на руки и, храня молчание, почтительно склонились перед мужьями и братьями.

Прибывшие, несмотря на усталость, дружескими жестами ответили на этот безмолвный привет.

Старейший рассказал охотникам, что обитатели пещеры без малого четыре дня почти ничего не ели, и предложил тут же раздать всем по небольшому куску мяса, а остальное спрятать до завтра и испечь в золе.

Часть молодой оленины немедленно раз-

делили на куски. Однако куски были неодинаковые: охотники захватили себе лучшие, а матерям и детям достались похуже. Но они и этому были рады. Получив свою долю, они уселись подальше от мужчин.

Как только Старейший подал знак, все жадно накинулись на мясо, разрывая его руками и глотая огромные куски.

Старейший получил самый почетный и лакомый кусок – содержимое оленьего желудка. Это было отвратительное пюре из полупереваренных трав, но у охотничьих племен оно и поныне считается самым изысканным блюдом.

Старик старался есть медленнее, смакуя, как истый знаток, странное рагу, принесенное ему сыновьями. Но как только он замечал, что никто не глядит на него, он начинал совать в рот кусок за куском с безудержной прожорливостью самого жадного из своих правнуков. Старейший был голоден, и в эту минуту он не мог думать ни о чем, кроме еды. Разве не приятно было чувствовать, как утихает голод с каждым новым проглоченным куском? И он позабыл о двух отсутствующих

на этом пиру – о Креке и Ожо. А ведь старик любил Крека больше других детей.

Но вот последние крохи были съедены, и люди начали подумывать о возвращении в пещеру. Охотники, сытые и усталые, заранее предвкушали ту блаженную минуту, когда они улягутся на теплой золе или на шкурах под сводами старой пещеры. Еды у них хватит на день или на два.

Такие беззаботные дни редко выпадали на долю первобытных людей. Такие дни – высшая награда и величайшая радость для тех, кто жил в непрестанной и жестокой борьбе со стихиями.

В эти дни полного спокойствия, бездействия, сытости люди набирались сил для новых охотничьих странствий, всегда опасных и трудных.

Они отдыхали после утомительных, долгих скитаний по лесам, где всегда можно было встретить свирепого зверя или попасть в засаду к враждебному племени. Лениво растянувшись на шкурах, охотники дремали или беззаботно болтали.

Чаще всего они толковали о приключени-

ях, случившихся во время охоты, или вспоминали о встрече с редким животным, попавшимся в лесной чаще. У каждого находилось что рассказать и чем похвастать.

Иногда какой-нибудь охотник брал кость или плоский камень и на нем острым резцом выцарапывал охотничьи сцены, животных – словом, все, что запомнилось ему или удивило его. Конечно, эти рисунки на камне или кости были очень грубыми, неумелыми. Но порой первобытный художник так живо и верно изображал животных, что мы и теперь восхищаемся искусством этих далеких мастеров.

Охотники, утолив терзавший их голод, заторопились домой. Но они так устали, что подвигались вперед очень медленно.

Уже наступила ночь, когда они подошли к пещере. Обычно еще издали они замечали красноватые отблески пламени, озарявшие приветливым светом вход в их подземное жилище. Но на этот раз вход был погружен в глубокий мрак. Свет – веселый, бодрящий, ласковый свет – исчез.

Отряд остановился у подножия скалы. Ста-

рейшины стали совещаться.

«Что здесь случилось без меня?» – подумал Старейший и тихо сказал своим спутникам:

– Хранителем огня сегодня остался Крек. Предупредим его о нашем приходе.

Один из охотников взял костяной свисток, висевший у него на шее, и пронзительно свистнул.

Но никто не откликнулся.

– Значит, – прошептал Старейший, и суровое сердце его дрогнуло, – значит, Крек умер. Наверное, на мальчиков напали. Или они убиты, или уведены в плен каким-нибудь бродячим племенем.

– Нет, – возразил один из старейшин, – уже давно поблизости не встречался ни один чужеземный охотник. Крек и Ожо просто заснули.

– Поднимемся в пещеру, – сурово промолвил Старейший. – Если они заснули, они будут жестоко наказаны.

– Смерть им, смерть! – раздались свирепые голоса.

– Смерть, если, на горе нам, огонь погас! – Неужели они лишились огня? Сначала охот-

ники лишь удивились и встревожились, заметив отсутствие красных отблесков у входа в пещеру. И только теперь бедняги ясно представили себе, какие страшные несчастья сулит им потеря огня.

Что за беда, если дети погибли, – ведь пользы от них мало, а кормить их все-таки надо.

Но если погас огонь – огонь-утешитель, который так весело потрескивал на очаге... Мысль об этом приводила в трепет самого мужественного охотника.

Если огонь умер, люди тоже умрут. Они знали, чувствовали это. Как они тосковали по огню во время своих охотничьих странствий! Но ведь тогда они разлучались с ним ненадолго. Но теперь... теперь огонь покинул их навсегда. Значит, они неизбежно погибнут.

Никогда они не попадали в такое ужасное положение.

Огонь, верный и жаркий огонь, жил в пещере много лет. Никто не знал, кто и когда занес огонь в их жилище...

Летом трава и деревья иногда загорались от молнии, падавшей с неба, как утверждали

опытные охотники.

Но как быть зимой? Идти к соседям просить, как милости, горящую головню? Но чаще всего окрестные племена, укрывавшиеся по неведомым тайникам, сами сидели без огня, а те, у кого в жилище пылало благодетельное пламя, те ни за что не согласились бы поделиться этим неоценимым сокровищем.

– Вперед! – приказал Старейший дрожащим голосом.

Уже не раз Гель и Рюг доносили старейшинам, что стая громадных гиен, привлекаемая запахами гниющих отбросов, бродит по ночам около входа в пещеру. Только свет костра удерживал их на почтительном расстоянии.

Но теперь огонь угас, и эти отвратительные животные могли забраться внутрь пещеры, поэтому охотники поднимались по ступеням молча и осторожно, с рогатинами наготове, оставив женщин и детей внизу, у подножия скал.

Но пещера была пуста, со стен ее веяло ледяным холодом. Охотники ощупью обшарили жилище; они перебирали угли очага, с надеждой ощупывали золу. В середине куча была

еще тепловатой...

Напрасно Гель, бросившийся на золу ничком, дул изо всей силы, пытаясь разжечь тепловатые угли, – ни одна искорка не вспыхнула.

Огонь потух, потух навсегда, а Крек и Ожо исчезли! Эту зловещую весть принес Гель матерям и детям; Старейший послал его передать приказание идти в пещеру.

Наконец все собрались вместе. Никто не мог больше сдерживать громких рыданий. Кто упал в горе на землю, кто остался стоять. Но все они были потрясены, подавлены...

Когда прошел первый взрыв горя, измученные люди забылись тяжелым сном. Но и во сне они стонали и вздрагивали. Только Старейший, Рюг-большеухий и Гель-рыболов бодрствовали во тьме. Юноши должны были вплоть до самого рассвета сторожить вход в пещеру.

Всю ночь Старейший просидел возле холодного очага. Как возродить огонь, как вернуть его в пещеру? Но напрасно он рылся в смутных обрывках давних воспоминаний. Он был стар, его память ослабла и не могла под-

сказать ему, как искать спасения от мрака и стужи, воцарившихся отныне в пещере.

ГЛАВА VI Осуждение

Когда серый рассвет медленно разогнал темноту, покрывавшую землю, Крек открыл глаза и немало удивился, увидев себя на дереве. Впрочем, он сразу все припомнил, взглянул на братишку, спавшего у него на руках, и быстро перевел глаза на равнину, расстилавшуюся под ними.

Все видимое пространство, вплоть до темной опушки леса, казалось безжизненной пустыней. Земля была совсем голой, нигде ни былинки.

Крысы исчезли, а с ними исчезла и опасность.

Крек растолкал брата, и оба мальчугана, продрогшие за ночь, быстро спустились на землю.

Они думали только о том, как бы скорей добраться до пещеры и отдать богатую добычу. Быть может, этим они вымолят себе прощение за долгое отсутствие.

Ожо беззаботно смеялся. Но Крек сознавал свою вину, и сердце его трепетало от страха.

Они подобрали убитых накануне живот-

ных и постепенно двинулись в путь. Спускаясь по тропинке с утеса, Крек разогрелся от быстрой ходьбы, но стоило ему подумать о своем проступке, как кровь холодела у него в жилах.

Рюг-большеухий первый услышал и увидел с порога пещеры несчастных охотников, которых он считал навеки погибшими. Он предупредил Геля и кинулся им навстречу.

Дети тут же объяснили ему, что с ними случилось и почему они провели ночь в лесу.

– Да, конечно, – проворчал добродушный Рюг. – Вы хотели помочь нам всем. Старейший, быть может, простил бы вас. Но вернулись отцы, и гнев их беспощаден. Они нашли пещеру покинутой и огонь потухшим. Это твоя вина, Крек. Теперь вы погибли, несчастные!

– О, Рюг! Что с нами сделают?

– То, что делают с оленями и лошадьми, когда их окружат и поймают.

– Нас убьют?

– Таков обычай.

Крек опустил голову на грудь. Ожо принялся горько плакать. Они понимали, что та-

кое смерть.

– Спрячьтесь в лесу, подальше отсюда, – уговаривал Рюг детей, тронутый их горем. – Идите по направлению к восходу солнца и каждый день трижды стучите по стволам деревьев – поутру, в полдень и вечером. Я услышу вас, открою ваше убежище и принесу вам еду и одежду.

– Бежим!.. – сказал Ожо, пытаясь увлечь Крека.

– Стойте!.. – послышался вдруг совсем близко прерывающийся голос; это был голос Старейшего.

Рюг и дети, захваченные врасплох, упали на колени с мольбой протягивая руки.

– Гель сказал мне, что вы идете в пещеру и что Рюг побежал вам навстречу, – сказал старик. – Я пошел вслед за Рюгом. Я слышал, что вам советовал Рюг. Теперь уже поздно бежать. Я поймал вас. Наказание справедливо и заслуженно! Вас ждут! Идемте!

– Сжалься над нами, Старейший!.. – молили дети.

– Ожо не виноват, отец! – горячо вступился за брата Крек.

Но старик, не слушая его, продолжал – на этот раз с грустью в голосе:

– Крек! Как я верил в тебя! Я любовался твоим мужеством, твоим послушанием, твоей ловкостью и находчивостью. Я сделал бы из тебя охотника, не знающего соперников. А ты? Что ты сделал? Ты убил нашего благодетеля, ты убил огонь. Ты обрек всех нас на смерть от свирепого холода. Ты должен умереть прежде всех.

– О, Старейший, сжалься! Я узнал...

– Твоя вина слишком велика. Огонь, великий друг наш огонь, погас! И ты виноват в этом. Молчи, не оправдывайся. Это не поможет тебе. Иди за мной. А ты, Рюг, не проси меня за них. Вперед! Пусть наши охотники не увидят презренных трусов, которых не стоит даже выслушать.

Несчастные дети с замирающим сердцем спустились по той самой тропинке, по которой еще вчера подымались так весело.

От тоски и страха им стало жарко, но когда они вошли в пещеру, ужасный холод, сменивший былое тепло, сразу пронизал их.

Все были в сборе, но в пещере царила пол-

ная тишина. Глубокое отчаяние заставляло всех клонить голову к земле и сдавливало им горло. Это было ужасно!

Мальчики ожидали услышать страшные проклятия. Они приготовились стойко перенести их, а вместо того... Это безмолвное отчаяние взрослых было ужаснее самых яростных угроз.

Вокруг потухшего очага сидели старейшины. Время от времени они почтительно притрагивались к золе, точно касались тела друга, в смерть которого не хочется верить. Волосы у них, обычно связанные в пучок на макушке, были теперь распущены и падали в беспорядке по плечам в знак глубокой печали. Многие плакали.

Слезы, катившиеся по щекам воинов, потрясли бедного Крека. Он понял, что погиб. Ожо, весь дрожа, искал глазами в глубине пещеры свою мать.

Но он не нашел ее среди женщин, неподвижно стоявших позади охотников. Тогда он сжал руку брата и закрыл глаза.

– Вот дети, – сказал Старейший.

Сдержанные рыдания послышались среди

женщин.

– Пусть говорят, мы слушаем, – пробормотал начальник, самый важный после Старейшего.

Крек рассказал все, что с ними случилось, почему они не могли вовремя вернуться в пещеру. Он пробовал разжалобить стариков.

– Мы надеялись раздобыть много пищи для всех, – задыхаясь, закончил мальчик свой рассказ, – и только потому я покинул пещеру. Уходя, я позаботился о том, чтобы огонь не погас, а прожил бы до нашего возвращения.

– Огонь умер... – проворчал один начальник. – И пусть он будет отомщен!

Крек и Ожо растерянно озирались кругом. Дикие крики, взывавшие о мести, становились все громче и громче. Напрасно братья искали проблеска жалости на лицах старейшин и охотников. Все лица были искажены отчаянием и яростью, во всех взглядах светилась свирепая решимость.

Старший начальник встал, подошел к детям, схватил их за руки и громко крикнул:

– Старейшины говорят: огонь умер. Изменники должны тоже умереть. На колени! А

вам, отцы, матери и дети, да будет их судьба уроком.

Он занес над головой маленьких преступников тяжелый каменный топор. Но Крек вырвался из его рук и упал на колени перед Старейшим.

– О, Старейший! – воскликнул он дрожащим голосом. – Огонь умер, и я убил его; я заслуживаю смерти. Но ты... ты знаешь столько тайн, ты был другом Фо-чужеземца... Разве ты не можешь сделать то, что делал Фо-чужеземец?

– Фо-чужеземец?.. О чем ты говоришь? – пробормотал с удивлением старик. – Я забыл это имя.

– Старейший, ты не помнишь Фо-чужеземца? Он добрался до нашей пещеры весь израненный, полуживой. Он один уцелел после какого-то страшного боя. Начальники позволили ему поселиться рядом с нами. Он прожил недолго. Он стал твоим другом, ты можешь сделать то же, что делал он.

– Что же делал Фо-чужеземец? – быстро спросил Старейший. – Я вспомнил теперь его, но я не знаю, что он мог сделать. Говори! А

вы, сыны мои, – прибавил старик, – подождите наказывать его.

Мрачное судилище безмолвствовало, и это молчание было ответом на просьбу Старейшего.

Крек собрался с духом и, крепко прижав руку к сердцу, снова заговорил, обращаясь к старику:

– Ты позволил мне говорить, Старейший! Разве Фо-чужеземец не открыл тебе своей тайны? Так узнай же все, что я сам видел своими глазами.

– Что же ты видел, какие тайны открыл тебе Фо-чужеземец? Говори скорей, и пусть никто не осмелится перебить тебя.

– Однажды, Старейший, – начал свой рассказ Крек, – я бродил по соседним пещерам и, как всегда, переворачивал камни, чтобы найти каких-нибудь животных, которые часто прячутся под ними. Один камень оказался очень тяжелым. Я долго возился с ним. Но когда в конце концов я перевернул его, то нашел под ним странные, невиданные вещи. От удивления я вскрикнул. Фо-чужеземец услыхал мой крик и подошел ко мне. «Это мое, –

сказал он. – Никогда не смей говорить о том, что видел, или я убью тебя!» Потом он прибавил: «Когда для меня наступит время уйти в ту страну, откуда никто не возвращается, я оставлю вещи Старейшему в благодарность за то, что он разрешил мне поселиться с вами. Но до тех пор пусть он ничего не знает. Молчи, ты в этом не раскаешься!»

«Впрочем, – сказал мне Фо-чужеземец, – раз ты открыл мое сокровище, то узнай, для чего оно служит». Он взял короткую очень твердую палку с дырочкой посередине, потом вставил в дырку конец маленькой палочки и принялся быстро вертеть ее между ладонями рук. Скоро из дырочки показались дым, потом пламя, оно зажгло сухой мох... Вот что я видел.

Пока Крек говорил, лица суровых воинов выражали величайшее удивление и напряженное внимание. Даже Старейший не в силах был сдержать волнение и сохранить невозмутимый вид.

Мальчик смолк. Старейший вздохнул полной грудью и сказал, точно самому себе:

– Крек, сердце мое полно радости и надеж-

ды. Фо-чужеземец умер, но не открыл мне своей тайны. Но теперь словно свет просиял в темной бездне моей памяти. Теперь я все понимаю. Тайну Фо знали мои предки, но сам я не был посвящен в эту великую тайну. Если ты сказал правду и мы найдем в пещере сокровища чужеземца Фо, мы будем спасены. Огонь снова оживет, веселый и ласковый, он снова будет оберегать нас. Быть может, тебя простят...

– Да будет так, – сказал старший начальник. – Пусть дети выйдут из пещеры и подождут под надзором Рюга.

Рюг, очень довольный в душе, уже хотел увести мальчиков, но Старейший снова обратился к Креку:

– Почему ты мне раньше не сказал об этом?

– Прости, если я худо сделал, Старейший, – ответил Крек, – но ведь я обещал молчать. Я думал – тебе давно известна тайна! Это было так давно, я забыл об этом. Хорошо, что я сейчас вспомнил о Фо-чужеземце. Иначе мне пришлось бы умереть.

– Что сталось с вещами чужеземца Фо?

– Не знаю. Я ни разу не осмелился пойти туда, где их нашел. Они, наверное, и теперь там, если только чужеземец не поломал их.

– Хорошо, Крек, – ответил старик. – Хорошо, надейся. И ты, Ожо, утри слезы. Рюг! Ты останешься с детьми. Понимаешь?

– Понимаю и повинуюсь.

Старейший с волнением, которое напрасно старался скрыть, поглядел вслед детям.

В наши дни очень многие дикари пользуются двумя палочками для добывания огня. При трении сухое дерево постепенно нагревается, начинает дымиться и в конце концов загорается.

Но в те незапамятные времена, когда жили Фо и Крек, только очень немногие люди умели добывать огонь трением. Эти счастливые избранники ревниво оберегали от всех окружающих свой драгоценный секрет: это давало им огромную власть над остальными людьми.

Без сомнения, Фо-чужеземец скрывал свою тайну, надеясь с ее помощью завоевать себе почетное место среди обитателей пещеры. Но огонь в пещере горел непрерывно, и Фо так и

не представилось случая проявить свое искусство. Перед смертью он не успел открыть свой секрет Старейшему и, наверное, унес бы свою тайну в могилу, если бы Крек случайно не поднял камня.

Убедившись, что дети находятся неподалеку от входа в пещеру, старик вместе с сыновьями отправился к месту, где жил Фо-чужеземец.

Крек сказал правду: под камнем лежали разные вещи чужеземца – прозрачные камни, просверленные посредине, куски янтаря и агата и две драгоценные палочки. Старейший жадно схватил их и пошел обратно в пещеру.

Он сел, взял короткую твердую палку с дырочкой, положил ее под ноги, вставил в дырочку конец другой палочки и принялся быстро вертеть ее между ладонями.

Охотники обступили старика и не отрываясь следили за каждым его движением. Скоро из дырочки показался легкий дымок. Толпа охотников еще плотнее сомкнулась вокруг старика. Через головы и плечи друг друга неотступно глядели они на волшебные палочки. Наконец показался легкий дымок, и

клочок сухого мха вспыхнул. Огонь воскрес!

Толпа ахнула, послышались восторженные восклицания. Старейший схватил клочки горящего мха и перенес их на очаг. Вскоре затрещали мелкие сучья.

Очаг ожил, и ожили сумрачные лица охотников. Кое-кто бросился к сваленным в беспорядке тушам – добыче последней охоты. Им не терпелось отведать горячего мяса. Но воины сурово остановили их.

– Еще не время, – строго сказал Старейший. – Огонь воскрес, в пещере снова будет тепло и светло. Теперь нам нужно решить, что делать с осужденными.

Между тем виновные молча, закрыв лица руками, сидели неподалеку от входа, ожидая приговора.

Рюг наблюдал за ними, не говоря ни слова.

Старейшины долго совещались. Наконец старик вышел из пещеры и направился к детям. Его морщинистое лицо было мрачно.

Рюг молча, с тревогой смотрел на старика, как бы спрашивая его о судьбе мальчиков. Старейший сказал:

– Огонь снова горит. Ожо может вернуться

в пещеру. Его прощают, он еще мал.

– О, благодарю! – весело воскликнул маленький Ожо. Но сейчас же прибавил с отчаянием в голосе:

– А он, Старейший? Что же он?

Ожо повернулся к Креку, ласково гладя его по плечу.

– Креку дарована жизнь. Но старейшины вынесли такой приговор; кто хоть однажды изменил своему долгу, тот и позднее может снова изменить ему. Никто не может более доверять Креку. Он должен уйти. Пусть он уходит.

– Ужасно! – воскликнул Рюг.

– Молчи, Рюг. Старейшины решили: Креку дадут оружие, одежду и еду. Сегодня же до заката солнца он уйдет далеко отсюда.

Стон Крека прервал его речь. Старик тяжело вздохнул и продолжал:

– Вы с Гелем укажете изгнаннику дорогу к соседним племенам. Никто не хочет, чтобы он заблудился в лесу или сделался добычей зверей. Завтра на заре вы вернетесь в пещеру.

– О, Старейший, это ужасно! – пробормотал Рюг. – Ведь Крек так молод…

– Молчи, Рюг. Как ты смеешь роптать! Даже мать Крека не осмелилась возражать. Молчи и сейчас же ступай к твоим повелителям. Они ждут тебя, чтобы дать последние указания. Ты, Ожо, иди за ним. Ну, убирайтесь!

Рюг молча повиновался. За ним, спотыкаясь, побрел и Ожо, – мальчик ничего не видел сквозь слезы.

– Старейший! – воскликнул Крек, когда они ушли. – Неужели я не увижу тебя больше? Никогда не увижу?

– Никогда, Крек, никогда. Но не забывай моих уроков и советов. Я сделал все, чтобы из тебя вышел ловкий, отважный и находчивый охотник. Ты должен мужественно встретить беду. Не плачь! Переноси несчастье храбро. Мужчина не должен плакать. Прощай!

Крек почтительно склонился перед Старейшим.

Когда он поднял голову, Старейшего уже не было. Бедный Крек, забыв последние наставления старика, упал ничком на камни и горько зарыдал, вспоминая мать, братьев и маленьких сестер, всех, кого он должен навсе-

гда покинуть.

ГЛАВА VII Изгнанник

Близился вечер.

Низкие черные тучи обволакивали небо. Временами накрапывал мелкий дождь. Холодный ветер, свирепствовавший весь день, утих, и полная тишина воцарилась в лесу. Ни один листок, ни одна веточка не шевелились на кронах гигантских дубов и буков. Только изредка тяжелая капля срывалась с верхушки дерева и со звоном разбивалась о нижнюю ветку или мягко падала на поросшую мхом землю. Внизу, между могучими стволами, было почти темно, и только привычный взгляд охотника мог бы различить какую-то маленькую фигурку, неслышно пробиравшуюся по зеленому мху среди необозримой лесной колоннады.

Это был Крек, несчастный изгнанник из родной пещеры.

Гель и Рюг проводили его, как им приказали, до опушки большого леса. Здесь они простились с Креком и вернулись обратно. Расставаясь с мальчиком, Гель передал ему последние наставления Старейшего: идти толь-

ко при свете дня, направляясь в сторону полуденного солнца, и на ночь непременно забираться на дерево – так всего безопаснее. Но Крек, любимец Старейшего, зорко подмечал все, что происходило вокруг него, и, как все дикари, умел безошибочно определять направление. Он ничуть не боялся заблудиться в лесу, хотя был еще ребенком и находился вдали от родных.

Его тревожило совсем иное. Много опасностей таит лес, а что может сделать он один, как бы храбр и находчив он ни был? Вряд ли ему удастся добраться до одного из тех племен, к которым он направляется, чтобы просить у них приюта.

Эти мрачные мысли так взволновали Крека, что у него началась легкая лихорадка. Чтобы избавиться от нее, он на ходу вырывал и жевал лечебные коренья, как учил его Старейший.

Он шел в сгущающейся тьме, глядя в сумрачную даль и чутко прислушиваясь к каждому шороху, каждому звуку, изредка нарушавшему лесное безмолвие. То неожиданно и громко крикнет какая-нибудь птица, устраи-

ваясь на ночлег, то заверещит мелкий зверек, попав в когти хищнику, то, наконец, с шумом упадет на землю шишка с могучей сосны.

И всякий раз Крек вздрагивал, останавливался и долго прислушивался. Но снова в лесу наступала глубокая тишина, и мальчик снова шел и шел вперед.

На плечах он нес небольшой запас провизии, а в руках крепко сжимал тяжелый топор с острым каменным лезвием. В поясе было зашито несколько кремневых ножей. Когда совсем стемнело, Крек остановился у подошвы громадной ели. Пора было устраиваться на ночлег. Крек недаром получил прозвище «разорителя гнезд»: через минуту он был уже на вершине дерева.

Он устроился поудобнее среди ветвей, достал из мешка еду и закусил. Крек не раз вздохнул, вспоминая Ожо; тот спал в пещере подле матери... Но усталость взяла свое, и Крек заснул.

Но отдыхал он недолго. Даже во сне чуткое ухо Крека уловило легкий шорох в ветвях огромного дерева. Мальчик тотчас проснулся и, сжимая в руке топор, стал тревожно при-

слушиваться.

Шорох повторился. Крек понял: он не один на дереве, у него появился какой-то сосед по ночлегу. Кто это мог быть?

Крек не знал, что ему делать. Спускаться вниз опасно: враг мог кинуться на него сверху. Попробовать подняться выше на гибкую верхушку, – быть может, неприятный сосед не посмеет последовать за ним?

Крек не знал точно, где укрылся враг, и боялся подставить ему для нападения бок или спину. Оставалось только одно: притаиться там, где он сидел, и приготовиться к бою. Бой, наверное, будет, – это подсказывало Креку чувство охотника.

Шорох повторился снова, еще раз и еще... И вдруг в просвете ветвей, на фоне ночного неба Крек заметил какую-то длинную тень. В ту же секунду мальчик перескочил на соседнюю ветку. Крек сам не знал, как это случилось: его воля не участвовала в этом прыжке. Его тело, повинуясь какому-то внутреннему порыву, само перенеслось на ближайшую ветку.

Все это длилось только один миг: тень

прыгнула одновременно с ним; и на том месте, где он сам только что ожидал врага, Крек увидел своего соседа. Это была огромная рысь. Промахнувшись, зверь едва не сорвался с ветки и теперь висел на ней, уцепившись передними лапами и раскачиваясь всем своим длинным телом.

Крек поднял топор и со всей силы ударил могучего зверя по голове. Раздалось злобное рычание.

Крек снова замахнулся, но на этот раз удар скользнул по боку животного. Сильно качнувшись, рысь успела перескочить на соседнюю нижнюю ветку. Первая схватка между ловким мальчиком и свирепым зверем окончилась.

На дереве снова воцарилась тишина. Слышалось только прерывистое, хрипящее дыхание хищника. Рысь, видно, была тяжело ранена. Теперь Крек знал, что зверь находится под ним. Значит, можно было забраться повыше.

Но едва мальчик перескочил на ближайшую ветку, как сзади снова послышался шорох. Раненая рысь не хотела отказаться от добычи. Крек замер на месте. Зверь также при-

тих. Крек ждал. Ни один звук не нарушал тишину ночи. Даже хриплого дыхания зверя не было слышно. Только изредка какой-то неясный шорох раздавался среди ветвей.

Тревога снова охватила маленькое сердце Крека.

Что затевал враг? Крек боялся пошевелиться. Так прошло довольно много времени.

Вдруг легкий шум раздался над головой мальчика, и тотчас огромное тело обрушилось на него сверху. Но Крек успел увернуться и укрылся за ствол. Он почувствовал только, как острые когти царапнули его руку выше локтя, и в тот же миг огромная лапа вцепилась в ветку совсем около него. Изогнувшись, почти вися на одной руке, не помня себя от страха, Крек изо всей силы ударил топором по лапе и услышал, как хрустнула под лезвием кость.

Удар был так силен, что Крек не удержал топора, и он полетел вниз. А вслед за топором, ломая мелкие ветки, среди града осыпающихся шишек, свалилась с дерева и потерявшая равновесие искалеченная рысь. Она тяжело грохнулась оземь. Обычно звери ко-

шачьей породы легко падают и становятся на лапы. Рысь шлепнулась как тяжелый мешок: раны ее были серьезны, и она, обессиленная, рухнула на землю.

Сначала под деревом слышалась какая-то возня и подвывающее злобное рычание. Затем все стихло.

Дрожа от возбуждения и пережитого страха, Крек проворно взобрался на самую верхушку дерева. Он устроился понадежнее среди гибких, качающихся ветвей и первым делом достал из-за пояса самый большой из запасных ножей.

Теперь он снова был вооружен и мог спокойно ждать нового нападения. Но под деревом все было тихо, и в лесу воцарилось безмолвие.

Долго сидел так Крек.

Исцарапанная зверем рука сильно саднила, ему было холодно. Понемногу дремота начала одолевать его. Тогда он спустился пониже, и, угнездившись в развилине могучих ветвей, скоро заснул...

– Карр, карр, – надрывался огромный ворон, качаясь на ветке неподалеку от Крека. –

Карр, карр!

Крек испуганно открыл глаза и не сразу сообразил, где он находится. Было совсем светло. Тяжелые тучи по-прежнему облегали все небо. Но ни дождя, ни ветра не было. Перегнувшись через ветви, Крек глянул вниз. Внизу, у голых корней дерева, в луже крови лежал труп его ночного врага. Какие-то пернатые хищники уже терзали его. Крек осмотрел руку. Несколько запекшихся рубцов указывали, где прошлись когти зверя. Рука слегка ныла, но Крек мог свободно двигать ею. Крек еще раз внимательно огляделся и спустился вниз.

Прежде всего он разыскал упавший во время ночной схватки топор, затем подошел к мертвой рыси. На голове ее зияла глубокая рана, правая передняя лапа была отсечена. Это было огромное великолепное животное. Встреча с таким зверем в ночную пору опасна и для взрослого охотника, – Крек имел полное право гордиться своей победой. Крек громко крикнул; это был крик торжества и победы. Он совсем позабыл о первом правиле всякого охотника – хранить в лесу глубокое молча-

ние.

Ему ответили три далеких крика.

Удивленный Крек почувствовал, как у него забилось сердце. Но, вспомнив, что в лесу бывает эхо, он только засмеялся над своей ошибкой.

Однако следовало быть осторожнее, так поступил бы каждый истый охотник. Он схватил топор, подбежал к дереву, на котором провел ночь, прислонился к стволу и, насторожившись, быстро оглядел чащу, стараясь проникнуть взглядом в ее таинственную глубь.

Но вот опять до него донеслось три крика, на этот раз, как ему показалось, голоса раздавались ближе.

Это уже не могло быть эхо. Это кричали люди.

И в самом деле, спустя несколько мгновений в чаще послышался треск сухих сучьев под тяжелой ступней, шорох раздвигаемых ветвей, и два вооруженных подростка очутились как раз против Крека.

– Брат!.. – закричали они. – Вот мы и пришли!

Ошеломленный Крек выпустил топор из рук и, весь дрожа от радости и изумления, скорей прошептал, чем сказал:

– Гель!.. Рюг!..

– Да, брат! Теперь мы тебя больше не покинем. Старейший позволил нам идти с ним и разыскать тебя.

– Старейший?.. – растерянно повторил Крек.

– Да, да, Старейший, – внезапно произнес за ним знакомый голос.

Крек быстро обернулся и увидел в двух шагах от себя Старейшего с громадной волчьей шкурой на плечах. Он надевал ее только тогда, когда собирался в далекое путешествие. Он был в полном вооружении, а лицо его было разрисовано белыми полосами, сделанными мелом, как полагается начальнику племени.

В руках старик держал свой жезл из резного рога северного оленя.

Крек преклонил колени.

– Старейший! – сказал он. – Ты не покинул меня… Благодарю тебя!

– Помнишь, Крек, ты не оставил твоего

престарелого наставника на берегу реки, когда на нас надвигались ужасные чудовища. Я вспомнил это и, видишь, я здесь. Я навсегда покинул пещеру. Я никогда не расстанусь с тобой и с этими двумя храбрецами – Гелем и Рюгом, – они упросили меня взять их с собой.

– Но что это? – продолжал старик, глядя на мертвого зверя, распростертого у корней ели. – Неужели ты убил его?

Предшествуемый Гелем и Рюгом, он приблизился к рыси, лежавшей на земле.

Пока Крек рассказывал о ночной битве, а Рюг-большеухий внимательно слушал, Гель вытаскивал из лыковых плетушек пищу для утренней трапезы.

Когда Крек кончил свой рассказ, все принялись за еду.

– Сегодня вечером, – сказал ему старик, – тебе не придется, как птице, забираться на ветку из страха перед дикими зверями. На ужин у нас будет жареное мясо. Я унес с собой «огненные палки». В пещере огонь долго еще не погаснет. А мы каждый вечер станем зажигать огонь и по очереди будем спать на земле под его надежной охраной.

После завтрака старик помог Креку снять шкуру с убитой рыси. Затем все двинулись в путь, в далекий, неведомый мир. Старик шел размеренным твердым шагом, а дети – легко и весело.

Первый день прошел для четырех друзей мирно, без всяких приключений, если не считать погони за маленькой лисицей; ее кровь охотники выпили на одной из остановок.

ГЛАВА VIII В неведомый мир

За первыми днями пути последовало еще много других дней, то пасмурных и дождливых, то светлых от падающего снега; но солнце показывалось редко. Старейший с внуками все продолжал идти через леса, равнины и горы в сторону полуденного солнца.

Ни один день не проходил без того, чтобы Крек не получил от Старейшего или братьев какого-нибудь полезного урока.

Он научился распознавать крики, пение, свист, рычание, – словом, все голоса земли и живых существ, ее населяющих.

Природа была для него чудесной школой, а строгими учителями – нужда и лишения и иногда долголетний опыт Старейшего.

Крек узнал всякие хитрости и уловки, какие применяются на охоте за разными животными; умел ставить западни, осторожно обходить зверя, угадывать, в какую сторону кинется испуганное животное.

Он был моложе своих братьев, но бегал, прыгал, лазил, плавал и нырял гораздо лучше их.

Еле заметные следы животных, самые легкие царапины маленьких когтей где-нибудь на коре дерева никогда не ускользали от его острого взгляда.

Он умея подстеречь и схватить рыбу так же ловко, как Гель; слух теперь у него был не хуже, чем у Рюга, а обоняние так остро, что он издали мог предсказать, какое животное приближается к ним.

Но Крек никогда не кичился своим превосходством, не хвастался своими знаниями. Он всегда был готов учиться и внимательно слушался каждого слова Старейшего.

Это был все тот же скромный и терпеливый мальчик. Он по-прежнему восхищался старшими братьями и глубоко почитал своего учителя. Правда, иногда Креку казалось, что старик ошибается, но это не могло поколебать уважения мальчика к престарелому наставнику.

Путешествие затягивалось, а погода становилась все хуже и хуже. Зима была не за горами.

Старик уже не раз подумывал о том, что было бы благоразумнее выждать наступле-

ния более теплых дней в каком-нибудь сносном жилище.

Но где найти жилье?

Построить хижину из ветвей, обложить ее толстым слоем земли? Но такая хижина не могла защитить путника от осенних дождей и свирепых зимних ветров.

И Старейший, невзирая на суровую погоду, все еще продолжал двигаться вперед. Ему хотелось найти какое-нибудь надежное убежище на зиму.

Но путь наших странников пролегал по равнине, где трудно было отыскать что-нибудь подходящее.

Как-то раз они попробовали устроиться на ночлег в большой яме, в лесу; это было заброшенное логовище какого-то животного.

Но в ту же ночь прошел сильный дождь, и воды соседнего болота внезапно разлились по равнине, затопив берлогу, только что превращенную в человеческое жилье.

Путешественники едва не утонули, захваченные водой во время сна. Чуть ли не вплавь спаслись они из этого негостеприимного убежища и бежали на равнину. Здесь

провели они остаток ночи под проливным дождем и яростным ветром.

Но судьба наконец сжалилась над нашими странниками.

Однажды охотники преследовали какую-то дичь. Пробегая мимо невысокого холма, густо поросшего деревьями, Рюг заметил, что южный склон его круто обрывается к бурному ручью, протекавшему внизу. В обрыве зияла какая-то черная дыра, наполовину прикрытая вьющимися растениями.

Рюг тотчас направился к ней, обошел ее со всех сторон и внимательно осмотрел снаружи. Обрыв был сложен из пластов какого-то сероватого камня. Кое-где плиты обломились и лежали грудами, кое-где нависли над самой водой, образуя обширные навесы.

В одном месте черная дыра, откуда бежал маленький ручеек, вела далеко в глубь обрыва. У входа Рюг заметил огромную кучу слежавшегося мусора и несколько обугленных, полусгнивших коряг.

«Наверное, здесь когда-то жили люди», – подумал Рюг.

И сейчас же прибавил:

«И люди будут жить здесь. Нам нужно как раз такое убежище. Здесь мы найдем защиту от дождей и снега».

Он обошел холм, чтобы убедиться, нет ли где-нибудь другого входа в таинственное подземелье. Но поиски его были напрасны: темное отверстие под обрывом, загороженное сеткой вьющихся растений, было единственным входом в пещеру.

Рюг осторожно раздвинул лианы и терновник, закрывавшие отверстие, и отважился заглянуть вглубь.

– Очень темно, – проговорил он, – но зато тихо.

Рюг пригнулся и, держа копье наготове, полез в подземелье.

Прошло несколько секунд, как юноша скрылся под камнями. Вдруг из пещеры послышался неясный треск, затем пронзительные крики и удары.

Еще мгновение – и в отверстии пещеры показался Рюг, запыхавшийся, забрызганный кровью, с обломком копья в руке; он перевел дух и со всех ног бросился бежать к тому месту, где мог находиться Старейший.

Между тем старик и мальчики начали уже тревожиться за Рюга.

Когда юноша подбежал к своим друзьям, он не сел, а упал около костра; он молчал и дрожал всем телом.

Старик и дети смотрели на него с удивлением.

– Что случилось, Рюг? – спросил Старейший. – Откуда эта кровь? У тебя оружие сломано! Что произошло?

– Люди… люди… – бормотал Рюг, мало-помалу начавший дышать спокойнее.

– Люди! Где? – вскричали охотники.

– Вон там, в подземелье. Они напали на меня в темноте. Я сражался во мраке, но мое копье сломалось, и я бежал. Надо было предупредить вас об опасности и помешать вам попасть к ним в засаду. Сколько я их убил! Сколько я их убил! Много, очень много! Но их осталось еще больше.

Охотники все время прерывали рассказчика восклицаниями. Эта весть поразила их. Они были храбры, но и самые храбрые воины при вести о близкой битве становятся серьезными.

– Вставайте, – приказал Старейший. – Берите оружие. Идем навстречу врагу. Но почему они не преследовали тебя?

Мирные путешественники сразу превратились в воинов и в строгом боевом порядке двинулись к пещере.

Гель захватил с собою длинную горящую головню, – так приказал ему старик.

Они подошли ко входу в мрачное подземелье. Гель бросил туда свой горящий факел. Воины, потрясая оружием, разразились воинственными кликами. Они ожидали, что враг, сидевший в засаде, сейчас же яростно набросится на них.

Но вместо людей, с которыми так храбро сражался Рюг, из пещеры с пронзительным криком вылетели какие-то большие черные и рыжие существа.

Одни из них быстро улетели, исчезнув между деревьев, другие, раненые, попадали на землю.

Оказалось, что Рюг-большеухий в темноте принял за людей огромных летучих мышей.

Охотники осмотрели убитых зверей. Конечно, эти животные были не так страшны,

как вооруженные люди, но никто не смеялся над испугом Рюга: в темной пещере их легко было принять за свирепых чудовищ.

Потом все вернулись к пещере.

Крек влез в нее, поднял головню, раздул огонь и, подбросив в костер сухой травы и веток, стал на пороге, ожидая, не появится ли еще какой-нибудь враг. Но внутри все было тихо, и, когда дым рассеялся, все забрались под каменные своды.

Пещера была низковата, но довольно суха и просторна. Маленький ручеек, выбиваясь из расселины в глубине пещеры, протекал вдоль стены. У входа виднелись следы древнего очага. Своды и стены были закопчены.

Видно, здесь некогда обитало какое-то не слишком многолюдное племя.

Старейший осмотрел пещеру, и она показалась ему подходящим убежищем от непогоды и от диких зверей. Было решено провести здесь остаток зимы.

В этот вечер охотники спали уже под кровом. В первую ночь почетная обязанность оберегать остальных и следить за огнем выпала на долю Крека.

Зима прошла быстрее, чем ожидали охотники. Жестокие морозы скоро сменились оттепелями и дождями. В морозные дни охота на оленей была более удачна, потому что эти животные отыскивали под снегом лишайники и мох.

Около жилища охотников протекала тихая, заросшая камышом речка. Когда наступили теплые дни и олени ушли к полуночным странам, наши охотники начали бить по берегам реки кабанов, болотных птиц, выдр и других, более редких зверей. Одни звери были громадны, другие чуть побольше кроликов. Все эти звери и зверьки валялись в грязи, плавали, ныряли, отыскивая рыбу или корни водяных растений.

Однажды на охоте Крек сделал очень важное открытие.

На берегу реки лежали упавшие деревья. Они были настолько велики, что у мальчиков не хватало силы подтащить их к пещере. Рюг пытался расколоть их большим каменным топором, но из этого ничего не вышло. Каменный топор только скользил по твердому высохшему дереву. Так они и остались лежать

на берегу, возле самой воды.

Животное, за которым охотился Крек, спряталось в нору, как раз под одним из этих стволов. Мальчик принялся расширять и расчищать руками и древком копья нору, а потом позвал на помощь Рюга.

В конце концов мальчики решили, что лучше всего откатить дерево в сторону, и тогда они, наверное, поймают зверька.

Берег довольно круто спускался к реке, и Крек с Рюгом без особого труда скатили бревно вниз; дерево с разгону упало в воду, разбрасывая целые фонтаны брызг. Сухой и крепкий ствол, тихо колыхаясь, поплыл по течению. Гель в это время купался; увидев скатившееся бревно, он бросился за ним вдогонку. Тащить тяжелое бревно было трудно, и Гель решил взобраться на него верхом, рассчитывая, что так ему легче будет направить его к берегу.

Гель рассчитал правильно. Сначала он плыл верхом на бревне по реке, а затем благополучно причалил к берегу.

Между тем Крек и Рюг, поймав зверька, решили отдохнуть и выкупаться. Недолго ду-

мая, они бросились в реку вдогонку за Гелем. Но Гель на бревне плавал гораздо быстрее их. Креку и Рюгу это показалось обидным, и они решили последовать примеру Геля.

Мальчики скатили в воду еще два бревна, и вскоре на реке показалась целая флотилия. На берег вышел Старейший; его привлекли веселые крики и возня ребят; он присел на траву и стал любоваться их играми.

Случайно бревно Рюга сцепилось своими крючковатыми сучьями с бревном Крека. Мальчики попробовали разъединить бревна, но это им никак не удавалось. Тут Крека осенила новая мысль.

– Давайте плавать вместе. Как много у нас места! Гель, – крикнул он,

– подплывай к нам, садись вместе с нами!

Мальчики стали плавать втроем, кое-как управляя подобранными в воде палками.

Старейший окликнул их и приказал подплыть к берегу. Когда братья приблизились к берегу, старик сошел в воду и осмотрел их самодельный плот. Затем он велел детям наломать гибких ветвей и спустить на воду еще несколько стволов.

Потом Старейший, обрубив кое-где ветки, пригнал стволы поплотнее друг к другу и начал связывать их гибкими прутьями и ветвями лиан. Мальчики немедленно принялись ему помогать, и скоро неуклюжий, но зато очень прочный плот был готов. Он отлично выдерживал тяжесть старика и мальчиков. Старейший остался очень доволен своей выдумкой.

Так как река текла по направлению к восходу солнца, то Старейший объявил детям, что часть пути они сделают на плоту. Плыть по реке легче и спокойнее, чем странствовать пешком.

Дети пришли в восторг от этой затеи. Тронуться в путь решили на следующий день.

Утром охотники срезали и подсушили над костром несколько длинных и крепких жердей, которые должны были служить для управления плотом.

Плот устлали связками камыша, перенесли на него весь запас провизии и свои убогие пожитки.

Затем Старейший торжественно взошел на плот и приказал Рюгу и Гелю вытолкнуть

плот из прибрежных камышей на чистую воду. Мальчики не без волнения повиновались этому приказу, и скоро плот, тихо покачиваясь, поплыл посередине реки.

ГЛАВА IX Озерные жители

Плыть легче, чем идти, и все же плавание на неуклюжем плоту утомляло наших путешественников. Все время приходилось зорко следить за тем, чтобы плот не опрокинулся. Целые дни проводили мальчики с шестами в руках, то отталкивая плывшие навстречу коряги, то проворно причаливая к берегу, чтобы избежать опасной встречи с каким-нибудь водяным животным, то снимая плот с мели и направляя его на середину реки. Наконец, на шестой день пути, обогнув крутой поворот, храбрые плаватели увидели вдали обширную равнину, окруженную туманными горами.

Река, по словам дальнозоркого Крека, словно терялась в этой равнине.

Старейший объяснил детям, что голубая равнина – это большое озеро, отражающее ясное небо.

Крек по своей привычке собрался было засыпать старика вопросами. Но Рюг внезапно вмешался в разговор и помешал ему.

– Я слышу какой-то шум, – сказал Больше-

ухий. – Он доносится с правого берега, из-за леса. Не то топот стада оленей или лосей, не то стук камней. Прислушайся, Крек! Словно гигантские животные роют берег, или сыплются какие-то камни.

Крек, прислушавшись, сказал, что это ссыпают вместе груды камней.

– Говорите шепотом, – сказал старик, – а ты, Гель, передай мне мешок, он у тебя под ногами. Камни, наверное, кидают люди. Нам понадобится оружие, если придется сражаться, и подарки, если мы вступим с ними в переговоры. Я надеюсь, что незнакомые люди, увидев мои сокровища, встретят нас приветливо.

Старик развязал жилу, стягивавшую мешок. И в самом деле, вещи, хранившиеся в мешке, составляли по тем временам величайшую редкость. Старик недаром гордился ими. Тут были куски горного хрусталя, агата, мрамора и желтого янтаря, обточенные и просверленные; из них низались почетные ожерелья. Были тут и пестрые раковины, попавшие из далеких стран, искусно сделанные наконечники стрел, куски красного мела для

разрисовки лица, перламутровые шила, рыболовные крючки и иголки из слоновой кости.

Все эти сокровища старик собрал за свою долгую жизнь.

Дети рассматривали их, широко раскрыв глаза от удивления. Но им не пришлось долго любоваться драгоценностями. Надо было снова приниматься за шесты. Плот, подхваченный течением, быстро приближался как раз к тому месту, откуда раздавался шум, с каждой минутой становившийся все сильнее и сильнее.

Старик спрашивал себя, не слишком ли неосторожно с их стороны продолжать спускаться по реке на плоту, не лучше ли им высадиться и укрыться под привычную сень береговых лесов, когда Крек, дотронувшись до его руки, прошептал:

– Старейший, нас заметили... Я вижу вдали, на самой середине реки, каких-то людей. Они плывут на древесных стволах и делают нам знаки. Вон они!

– Теперь поздно скрываться. Поплывем к ним навстречу, – ответил Старейший. С эти-

ми словами он встал, поддерживаемый Гелем, и, в свою очередь, принялся подавать знаки рукой.

Через несколько минут плот путников окружили четыре плавучие громады, – таких никогда не видел ни Крек, ни Старейший. То были лодки, выдолбленные из цельных древесных стволов, заостренных по обоим концам. В этих лодках стояли люди и держали весла.

– Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый, – сказал Старейший, глядя с восхищением на незнакомцев и их лодки. – Быть может, они дадут нам приют. Надо постараться, чтобы нас хорошо приняли.

Он обратился к незнакомым людям с миролюбивой речью, а те смотрели на пришельцев скорее с любопытством, чем враждебно, и с видимым удивлением указывали друг другу на странный плот наших путешественников.

Гребцы в лодках, вероятно, не поняли речи старика: но приветливое выражение его лица, его спокойные, миролюбивые жесты, ласковые переливы голоса, несомненно, убедили их, что почетный старик и его молодые спут-

ники не питают никаких враждебных замыслов. Лодки вплотную приблизились к плоту. Обе стороны обменялись приветственными жестами и улыбками.

Крек с жадным любопытством разглядывал прибывших. По своей одежде и оружию люди в лодках были очень похожи на людей, спустившихся к озеру на плоту.

Пока длилась церемония первого знакомства, лодки и плот продолжали плыть вниз по реке и скоро очутились против пологого песчаного берега. Тут нашим путешественникам открылось никогда не виданное, странное зрелище.

Недалеко от берега, по склонам холма, сплошь покрытого галькой и гравием, двигались взад и вперед вереницы людей. Одни наполняли камнями кожаные мешки, другие сносили эти мешки к берегу и высыпали камни в лодки.

Грохот ссыпаемых камней слышали издалека Крек и Рюг.

Плот и лодки направились к берегу и скоро причалили. На берегу, на вершине холма, в широкой выемке, Старейший и мальчики

увидали скелет громадного животного.

Чудовищный скелет отчетливо вырисовывался на голубом небе; казалось, длинные побелевшие кости держатся какими-то невидимыми связками.

Громадные плоские рога, усаженные остриями и зубьями, торчали по обе стороны могучего черепа, высоко поднимая свои разветвления. По-видимому, это был олень или, даже, вернее, лось. Когда-то, очень давно, течение прибило его труп к береговой отмели, много лет подряд река заносила его песком и галькой. Наконец река, прорыв себе более удобное русло, отошла в сторону. Труп остался погребенным в береговых холмах. Теперь люди, добывая песок и гальку, раскопали его могилу.

Старейший много раз в своей жизни охотился на лося и ел его мясо. Но такого громадного зверя он никогда не видывал; чудовищные останки этого свидетеля прошедших времен поразили его и мальчиков.

Между тем люди на холме продолжали свой тяжелый и непонятный для наших путников труд. Несколько человек отделились от

толпы работавших и подошли к пришельцам.

По важной осанке, по уверенному виду, по украшениям волос, ожерельям и, наконец, по начальническим жезлам Старейший сразу признал в незнакомцах вождей племени и протянул к ним свои дары. Вожди милостиво, с достоинством улыбнулись, и между ними и стариком завязался длинный разговор при помощи знаков.

Старейший выразил желание найти для себя и своих юных спутников мирный приют в жилищах этого племени. Он поклялся, что они будут служить верой и правдой приютившим их людям. Быть может, со временем их примут в члены великой новой семьи, которую они нашли после длинного путешествия, такого опасного и тягостного.

Вожди не без труда поняли, что хотел сказать старик. Они смерили взглядом Геля, Рюга и Крека. Ловкие и смелые мальчики, видимо, понравились им. Они нуждались в сильных и смышленых работниках, чтобы закончить важную работу, начатую на берегу озера. И они согласились исполнить просьбу Старейшего.

Гель, Рюг и Крек почтительно склонились перед ними и принялись весело собирать гальку, не понимая еще, зачем и для чего они это делают.

Вожди сразу признали Старейшего равным себе человеком. Они усадили его рядом с собой и предложили в знак союза выпить вместе с ними речной воды, поданной в большой раковине.

Тем временем пироги нагрузили доверху. Все расселись по лодкам, путешественники снова поместились на своем плоту, и флотилия тронулась в путь к поселку туземцев.

Они вскоре достигли устья реки. Здесь началось озеро, безбрежная гладь воды... Старейший и мальчики были поражены величавым простором озера.

Но вот путешественники выплыли в озеро, и перед ними открылось еще более чудесное зрелище. Справа от устья реки, довольно далеко от берега, виднелось много хижин, крытых тростником и обмазанных глиной. Хижины стояли на широком помосте из древесных стволов. Крепкие сваи, прочно укрепленные в воде, поддерживали помост.

Вода была так прозрачна, что наши путники могли заметить на дне озера, у подножия каждой сваи, громадные кучи галек и гравия.

Тут только они поняли, зачем жители поселка привозили издалека груды щебня и песку.

Прямые стволы деревьев, грубо обтесанные, не могли, конечно, глубоко войти в каменистую почву озера, а «бабы», которыми теперь забивают сваи, тогда еще не были известны. Чтобы прочно укрепить сваи на дне озера, у их основания насыпали громадные кучи камней.

Старейший и трое юношей с изумлением смотрели на эти дома на воде, где отныне им было суждено жить.

– В этих тростниковых пещерах, – сказал Рюг, – можно отдыхать спокойно. Кроме птиц, змей и пожаров, здесь нечего бояться.

Гель и Крек согласились, что здесь жить было гораздо приятней, чем в пещере.

Но к радости Крека примешивалась доля печали. Ему недоставало матери и сестер, Маб и Он. Как бы хорошо было, думал он, если бы на помосте, где стояли хижины, он уви-

дел бы их знакомые фигуры. Что-то они делают теперь? Не забыли ли они его?

Но все кругом было так ново, так необычно, что грусть Крека быстро прошла. И когда лодки остановились у места, где сваи засыпали гальками, Крек снова развеселился. Он хотел теперь одного: как можно скорее доказать, что он трудолюбив, мужествен, сметлив и будет полезен новой семье.

Между тем на помосте теснились обитатели деревни, с удивлением рассматривая плот с чужеземцами. Они приветливо встретили пришельцев. Молодежь, всегда любопытная, внимательно осматривала одежду и оружие нежданных гостей.

Дружба между молодежью заключается скоро, и спустя несколько часов братья и озерные мальчики так подружились, словно они с детства знали друг друга.

Гель-рыболов сразу же стал работать вместе с водолазами – они попеременно поддерживали сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями. Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень долгое время.

Рюг присоединился к тем работникам, которые устанавливали сваи в воде, и очень быстро научился обтесывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший долго осматривал новые орудия. Эти полированные каменные топоры, наконечники копий и стрел были такими острыми, гладкими и красивыми. И, конечно, эти орудия были гораздо совершенней грубо обтесанных, кое-как оббитых орудий жителей пещеры. Старик радовался, что встретил племя, которое умеет строить такие чудесные дома и изготовлять такое прекрасное оружие.

Вечером, когда наши путешественники остались одни в новом жилище, большой и хорошо закрытой хижине. Старейший поделился с мальчиками своими впечатлениями.

– Дети мои, – сказал он, – я рад, что мы встретили людей, которые – я признаюсь в этом без стыда – знают куда больше, чем старейшины нашей пещеры, и чем я сам. Учитесь у них. Вы молоды и скоро научитесь всему, что знают эти люди. Они изобрели много хороших вещей, и живется им в этой мирной

стране гораздо легче, чем нам в наших лесах. А мне в мои годы уже трудно переучиваться, хотя мне нравится все, что я вижу здесь.

– Старейший, – сказал Крек, – я видел, как они просверливают в топорах дыру для крепких деревянных рукояток. Для этого нужны костяная палка, песок и вода. На топор они насыпают мелкий песок, поливают его водой, затем с силою надавливают на него костяной палочкой и начинают его вращать. Все время они подсыпают песок и подливают воду. Сначала получается маленькая впадина, постепенно она становится все глубже и глубже и наконец превращается в дыру. Но как упорно и долго приходится им работать!

Старейший похвалил Крека за наблюдательность.

Первая ночь на озере прошла спокойно. С тех пор как путники оставили родную пещеру, впервые ни грозный рев животных, ни крики ночных птиц не прерывали их сна. Тихий плеск воды о сваи, казалось, убаюкивал их.

На другой день путники проснулись бодрыми и веселыми. Выйдя на мостки, соеди-

нявшие деревню с берегом, они увидели, что обитатели хижин давно уже встали и принялись за работу. Женщины жарили рыбу и мясо на очагах. Эти очаги были сложены из плоских камней, скрепленных илом, который под влиянием жара обратился в камень.

Быть может, именно вид этого обожженного ила и внушил позднее первобытным людям мысль лепить из него сосуды наподобие плетушек из коры и обжигать их на огне.

Старейший объяснил детям, что благодаря камню и илу деревянный помост не может загореться.

– Признаюсь, – сказал он, – я все время боялся, как бы в поселке не вспыхнул пожар и не погубил хижин. Но чудесные очаги из камней и ила отлично предохраняют поселок от пожара.

Внезапно громкие и хриплые звуки прервали этот разговор. Старейший быстро оглянулся: дети из поселка изо всех сил дудели в большие раковины. На их призыв работники, рассеянные по берегу и на пирогах, стали собираться к хижинам. Настал час еды. Через несколько минут все собрались вокруг очага,

и среди глубокого молчания вожди начали раздавать пищу.

Некоторое время слышалось только шумное чавканье и изредка – громкая икота.

С наслаждением уплетая маленьких мясистых рыбок с красными точками на спине, Крек вдруг заметил, скорей с изумлением, чем с испугом, неподалеку от очага двух зверьков с острыми ушами и длинным хвостом.

Зверьки сидели неподалеку от людей и жадно смотрели на мясо.

Животные, казалось, готовы были кинуться на людей, но никто не обращал на них внимания. Это удивило Крека, он тотчас встал, молча схватил свою палицу и собрался храбро напасть на зверьков. Но вождь племени догадался о намерении мальчика, сделал ему знак положить оружие и снова приняться за еду.

Вождь тут же кинул несколько костей животным, и те жадно накинулись на эту скудную подачку и ворча оспаривали ее друг у друга.

Старейший удивился не меньше Крека, но

вождь объяснил им, что эти зверьки давно уже привыкли жить около людей.

Несколько лет тому назад, в холодное зимнее время, зверьки эти вышли из лесу и бродили возле лагеря. Должно быть, их мучил голод. Однажды кто-то бросил в них костью. Но зверьки не испугались, а подошли поближе и принялись глодать ее. Так продолжалось несколько дней подряд.

– Животные, – добавил начальник, – поняли, что их не убьют, что возле людей можно полакомиться костью, и остались здесь жить. Когда охотники преследуют оленя или какую-нибудь другую дичь, они бегут вперед и кружатся около добычи, подгоняя ее к охотникам. Поэтому мы не стали их убивать.

Старейший долго и с восхищением разглядывал зверьков, подружившихся с человеком. Он и не подозревал, что позже потомки этих зверей утратят дикий нрав и станут нашими верными помощниками и товарищами – собаками...

Покончив с едой, все улеглись спать. Но отдых длился недолго, вскоре все с новыми силами принялись за работу. Несколько охотни-

ков вместе с зверьками отправились в лес. С ними ушли Гель, Рюг и Крек. Оставшиеся принялись крепить сваи; женщины и дети скоблили шкуры, натирали их мокрым песком и жиром, чтобы сделать их мягкими и легкими.

Старейший и начальник поселка уселись возле очага и принялись изготовлять наконечники для стрел. Это были превосходные мастера. Из небольших кусочков кремня они выделывали тонкие и гладкие острия.

Стрелы с такими наконечниками могли тяжело поранить даже огромного лося и зубра.

Если вы будете в музее, остановитесь около коллекции оружия каменного века и поглядите на нее внимательно.

Сколько терпения, упорства, мастерства надо было затратить, чтобы превратить кусок бесформенного камня в гладко отшлифованный тонкий наконечник стрелы или тяжелый молоток.

У первобытных мастеров не было ни наших инструментов, ни наших станков, и все же они умели изготовлять те совершенные

вещи, которыми мы любуемся теперь.

В то время как оба старика работали на помосте свайного поселка, Крек бродил по лесной чаще. Вдруг он услышал звук, словно кто-то раскусывает орех; треск шел с верхушки дерева. Быть может, это щелкал орехи какой-нибудь грызун? Крек присел за высокие сухие папоротники, чтобы скрыться от глаз животного, и взглянул вверх.

Мальчик изумился, когда на верхушке дерева он увидел не грызуна, а ноги какого-то человеческого существа!

Крек бесшумно, словно змея, зарылся в траву и, чуть дыша, стал выжидать, поглядывая на верхушку дерева.

Существо, щелкавшее орехи, с увлечением продолжало свое занятие. Это, видимо, и помешало ему расслышать шелест травы, раздвигаемой Креком. Наконец, оборвав все орехи на дереве, человек решил спуститься на землю.

Он проделал это бесшумно и очень ловко; у подножия дерева он перевел дух и быстро скользнул в чащу.

Он так и не заметил, не почуял молодого

охотника.

Но Крек успел его рассмотреть. Этот человек не походил ни на одного из жителей поселка, с которыми Крек успел познакомиться.

Лицо у него было волосатое, а шею охватывало ожерелье из когтей медведя.

Кто же был этот незнакомец?

Крек вздохнул свободно после ухода человека с ожерельем, он был доволен, что отделался так просто. В первую минуту Крек хотел бежать в поселок, но, подумав, решил сначала выяснить, куда направился незнакомый охотник.

Крек кинулся вслед за незнакомцем. Мальчик быстро настиг его и, припав к земле, пополз за ним так близко, что видел, как медленно поднималась трава, примятая его ногами.

Запах тины и водяных растений, сначала едва заметный, потом все более и более острый, возвестил Креку, что они приближаются к берегу озера. И он не ошибся. Скоро к шелесту листьев и ветвей присоединился и плеск воды. Между деревьями и растениями падали полосы света, они становились все ярче и яр-

че.

У опушки леса Крек остановился. Он увидел, что незнакомец, ничуть не скрываясь, смело прошел по пустынному отлогому берегу и направился в чащу высокого тростника, окаймлявшего озеро. Пока он шел по берегу, над тростником внезапно появились черноволосые головы.

Крек пересчитал их, или, вернее, поднял по пальцу на каждую голову (доисторические мальчики не умели считать), и увидел, что черноволосых было столько, сколько у него пальцев на двух руках да еще один палец на ноге.

Крек очень хорошо рассмотрел незнакомцев и теперь больше не сомневался: эти люди не были жителями поселка на воде.

Он решил поскорее предупредить своих товарищей: ведь притаившиеся в камышах люди могли быть врагами. Крек немедля пустился в обратный путь. Он бежал по лесу уверенно, как хорошая охотничья собака, и осторожно, как опытный лесной бродяга.

Он скоро отыскал охотников из поселка. Это было как раз вовремя. Рюг и Гель уже бес-

покоились, не зная, почему опаздывал брат. Они просили товарищей подождать хотя бы еще немного.

– Мальчик скоро вернется, – убеждал Рюг, – я слышу его шаги, он недалеко отсюда.

Но охотники были очень недовольны. Они встретили запыхавшегося мальчика ворчанием. Однако новость, принесенная Креком, сразу же заставила их позабыть свое недовольство.

Охотники знали о соседних бродячих племенах гораздо больше, чем Крек и его братья. Поэтому, когда Крек описал им незнакомцев, они встревожились. Разрубив на части тушу убитого оленя, они взвалили куски мяса себе на плечи и поспешно двинулись к поселку.

Но на берегу озера их поджидала новая беда: двух лодок не оказалось на месте.

– Куда они девались?

На плоском илистом берегу виднелись борозды, оставленные лодками, когда их вытаскивали на сушу. Виднелись и борозды от двух исчезнувших лодок. Но как их спустили обратно на воду, понять было невозможно. Никаких других следов нельзя было заметить.

Это было удивительно, но времени, чтобы расследовать таинственное происшествие, у охотников не было. Надо было как можно скорее добраться до дому. Охотники столкнули на воду оставшиеся лодки и, сильно взмахивая веслами, понеслись к поселку.

Причалив к помосту, охотники поспешили к хижинам вождей. Вскоре все вожди собрались вокруг очага. Они позвали Крека и приказали повторить все, что он раньше говорил охотникам.

Вожди слушали Крека с мрачными лицами. Затем они оживленно и долго совещались между собой. Наконец они обратились к Старейшему, который присутствовал тут же. «Мальчик смел и сообразителен», сказали вожди старику и поручили ему поблагодарить Крека от имени всех вождей.

– Не будь мальчика, – добавил старший вождь, – враги застали бы нас врасплох. Дикие лесные бродяги, что скитаются по берегам озера, могут напасть на нас. Опасность велика; но кто остерегается, тот силен. Эти бродяги давно не появлялись здесь, и мы решили, что они покинули нашу страну. Но, види-

мо, они скрывались в лесах и теперь замышляют напасть на нас.

Старейший простер свой жезл над головой Крека и ласково положил ему руку на плечо. Это была большая честь, и Крек был в восторге.

Настала ночь. Все наскоро подкрепили свои силы. Женщины и дети укрылись в хижинах. Люди в полном молчании готовились к защите поселка. Самые сильные охотники снимали подпоры у мостков, чтобы враг не пробрался с берега. Один отряд воинов затаился в укромных местах между хижинами. Другой – спустился в пироги и залег в них. Пироги стояли вдоль свай, перед мостками. Сверху их прикрыли тростником, снятым с крыш. На главном помосте у очага был поставлен только один часовой. Этот почетный пост по приказу вождя занял Рюг. Все уже знали о его необыкновенном слухе. Лежа у костра, Рюг должен был прислушиваться к ночным шорохам и, если бы враг приблизился, предупредить вождей.

Рюг не имел права вмешиваться в битву. Как только на помосте завяжется бой, юноша

должен был разжечь яркий огонь и неустанно поддерживать его.

В поселке воцарилась глубокая тишина. Все замерли на своих местах, чутко вслушиваясь в ночные звуки. Время тянулось ужасно медленно. Внезапно Рюг поднял руку.

– Они идут, – прошептал вождь, поняв движение Рюга. – Какие хитрецы,

– прибавил он на ухо Старейшему, – ведь они нарочно дожидались конца ночи. Они думают, что перед рассветом сон всего сильнее одолевает человека и наши часовые могут задремать.

Кругом царила глубокая тьма и полное безмолвие. Только изредка вдали раздавался жалобный крик болотной птицы.

Рюг снова поднял руку и лег.

– Вот они! – сказал вождь.

И в самом деле, воины различили какой-то тихий и необычайный плеск, заглушавший по временам мерный и спокойный говор волн.

Мало-помалу этот плеск становился все яснее и яснее.

Приближались решительные минуты.

Рюг храпел. Его мирный и звонкий храп, наверно, подбодрял врагов и побуждал их смело подвигаться вперед. Враги заранее радовались, заметив, что часовой мирно спит. При свете сторожевого огня они могли отчетливо разглядеть беззаботно развалившегося на помосте человека. Часовой спал, вместо того чтобы вовремя заметить неприятеля и поднять тревогу.

Враг был уже близок, но воины поселка не могли различить ни одного звука, похожего на стук весел о воду. Наверное, пироги, украденные бродягами, или их плот вели искусные пловцы, сменявшие друг друга.

Пловцы подвели пироги к сваям с той стороны, где стояли лодки с укрывшимися под связками тростника воинами.

Один за другим нападающие полезли на помост. Они карабкались бесшумно, словно водяные крысы. Через мгновение над краем помоста показались черные головы. Широко открытые глаза врагов свирепо блестели при свете костра.

Наконец они взобрались на помост. С их смуглых волосатых тел струилась вода. Тот,

кто шел во главе, показал своим товарищам на уснувшего Рюга и, взмахнув копьем, двинулся к спящему.

Но Рюг не спал. Притворясь спящим, он незаметно придвинул к очагу сухой валежник, облитый смолой: брошенный в костер, он должен был мгновенно вспыхнуть.

Вождь лесных разбойников подкрался к Рюгу, готовясь пронзить спящего копьем. Но смелый юноша быстро повернулся будто во сне и откатился в сторону. В тот же миг он ловко втолкнул в огонь сухой валежник, который вспыхнул теперь ярким пламенем.

Резкий свет ослепил чужого вождя, и он на мгновение остановился с поднятой рукой.

Это невольное замешательство оказалось для него роковым. Не успело его копье вонзиться в то место, где только что лежал Рюг, как воины поселка со всех концов помоста бросились и окружили высадившихся дикарей.

На помосте разгорелась ожесточенная битва. Защитники поселка сражались с отчаянной яростью. Удары дубин и палиц сыпались на обезумевших черноволосых, словно удары

цепов на снопы хлеба.

Перед неприятельским вождем появился Крек и вонзил ему кинжал в грудь. Человек упал, Крек молча прикончил его.

Огонь пылал ярко, и Рюг без устали подбрасывал в очаг все новые и новые охапки сухого камыша и ветвей. Если какой-нибудь враг осмеливался слишком близко подойти к храброму мальчику, то Рюг, верный своему долгу, совал в лицо неосторожному горящую головню.

Лесные люди сражались храбро и не думали отступать. Если раненый падал на помост, он кусал своих противников за пятки.

Но скоро нападающие поняли, что им не одолеть защитников поселка. Их отряд был слишком мал, чтобы одержать победу над хорошо вооруженными и, главное, заранее приготовившимися к бою жителями поселка. Тогда враги отступили к мосткам, ведущим на берег. Но мостки оказались разобранными. В отчаянии они кинулись к пирогам, рассчитывая захватить их и бежать под покровом ночи.

Но и здесь их ждала неудача. Едва они до-

брались до края помоста, как воины, спрятанные в лодках, повскакали со своих мест и, потрясая оружием, оглашали воздух грозными, воинственными кликами.

Этого черноволосые не ожидали: они поняли, что окружены и погибли.

Кто не был ранен, бросился в озеро. За ними тотчас же кинулись вдогонку Гель-рыболов и другие искусные пловцы.

Иные, несмотря на тяжелые раны, продолжали стойко сражаться. Но таких было немного, и скоро все они полегли мертвыми на залитых кровью бревнах помоста. Это был конец боя.

Защитники поселка тут же расположились на отдых; одни осматривали свои раны, другие жадно пили холодную свежую воду.

Вдруг раздался громкий голос Рюга, юноша кричал женщинам, чтобы они поскорей тащили шкуры и мочили их в воде.

Вождь и Старейший во время боя хладнокровно подавали воинам оружие. Теперь они поспешно направились к Рюгу узнать, что произошло.

– Не стоит, – ответил большеухий маль-

чик, – сжигать все наше топливо. Надо поскорее затушить то, что было зажжено. Смотрите, у нас пол загорается!

И верно: поселку угрожала новая страшная беда – пожар.

Однако благодаря Рюгу удалось предотвратить и эту опасность. Женщины хватали шкуры, мочили их в озере и покрывали ими тлевший пол. Охотники таскали воду в сосудах из коры и заливали очаг.

Когда огонь удалось потушить, надо было позаботиться о раненых. Их разместили по хижинам и наложили на их раны повязки из свежих листьев и трав.

Трупы врагов побросали в озеро. Но прежде чем столкнуть в воду тело человека с волосатым лицом, которого убил Крек, вождь сорвал с него ожерелье из когтей медведя и надел его на шею мальчика.

– Ты заслужил это ожерелье, – сказал вождь, – и я дарю тебе его в знак благодарности моего народа.

Старейший положил руку на плечо Крека и сказал взволнованным голосом:

– Теперь ты воин, сын мой, и я доволен то-

бой.

На заре появился и Гель-рыболов: он плыл как рыба. Его лицо было рассечено от виска до подбородка каким-то острым орудием, но это не мешало ему улыбаться.

На вопрос Старейшего, где он так долго пропадал. Гель сурово ответил:

– Вместе с несколькими воинами я закончил под водой то, что вы начали на помосте. А чтобы тот, кто нанес мне эту рану, никогда не узнал меня по ней, я выколол ему глаза.

ГЛАВА X Слепой вожатый

За этой страшной ночью последовал ряд спокойных и мирных лет, и жизнь в маленьком поселке на сваях не омрачалась никакими происшествиями.

За эти годы Крек не раз отличался своим мужеством, изобретательностью и ловкостью. Его часто хвалили, но он сумел остаться скромным, и поэтому все любили его, и никто не завидовал ему, как бы ни отличали его старшие. Каждый видел в нем бесстрашного защитника поселка, будущего вождя.

Гель и Рюг охотно признавали за ним первенство и любили его по-прежнему.

Старейший радовался, видя, как уважают его любимого ученика. Одно огорчало старика: он знал, что не доживет до того дня, когда резной жезл вождя перейдет в руки Крека.

Силы покидали старика, и он явно слабел. Он почти не сходил на берег и все свое время проводил у очага, беседуя с начальниками племени или занимаясь какой-нибудь легкой работой.

Когда же Старейший почувствовал, что ко-

нец его близок, он тайно поручил Гелю и Рюгу передать Креку в день, когда тот станет вождем, древний знак высшей власти – резной жезл из кости северного оленя, которым сам Старейший честно и гордо владел почти сто лет.

После этого Старейший перестал выходить из своей хижины и через несколько дней умер.

Обычно жители свайного поселка хоронили своих умерших на дне озера, около самой деревни, засыпая их тела грудой камня и гравия. Но Старейший – вождь, он оказал племени много услуг. Поэтому в знак особого уважения его решили похоронить в земле.

Так и сделали. Старейшего торжественно похоронили далеко от озера, в спокойной, поросшей лесом горной долине. На похоронах кроме Крека с братьями присутствовали все вожди племени и отряд воинов. Над могилой набросали большую груду камней. Затем все отправились в обратный путь к уютным хижинам на озеро.

Крек и его братья шли молча, лишь изредка оглядываясь на исчезающие в тумане леса

и холмы, те леса, среди которых покоился Старейший. Но остальные воины возвращались веселые, оживленно беседуя о своих делах. В те времена людям жилось слишком трудно, и они не могли долго грустить или радоваться.

Так и теперь: едва похоронив Старейшего, они уже ни о чем другом не думали, как о возвращении в родные хижины и о будущих охотах.

К ночи отряд вышел из лесу на открытую равнину. В эту минуту передовые воины-разведчики остановились.

Они увидели юношу и двух молоденьких женщин, сидевших на корточках на земле. Рядом с ними лежал какой-то человек, много старше их, который, казалось, только что умер или умирал. Трое незнакомцев изнемогали от усталости и перенесенных в пути лишений.

В нескольких шагах от старика в луже крови валялся труп медведя.

Разведчики криком предупредили шедших сзади. Воины вместе с вождем живо окружили несчастных.

Молодые женщины и юноша с трудом поднялись на ноги. Они взглядами и жестами умоляли пощадить их. Юноша обратился к вождю с речью. Но никто из озерных жителей не мог понять его слов. В эту минуту подоспел Крек. Едва слова незнакомца долетели до его слуха, как он вздрогнул и быстро оглянулся на братьев. На лицах Рюга и Геля отражалось такое же изумление и тревога.

Что же так взволновало братьев?

С тех пор как братья попали в озерный поселок, они быстро освоились с языком его обитателей и так привыкли к нему, что и между собой не говорили иначе как на озерном наречии. Но язык родной пещеры они не позабыли. Отдельные слова они еще помнили. И теперь они услышали их из уст незнакомца.

Юноша говорил на языке их родного племени!

В сумерках трудно было разглядеть лица и одежду этих несчастных. Но братья не сомневались, что перед ними беглецы с берегов их родной реки.

Они поделились своей догадкой с вождем,

и тот приказал им немедля расспросить злополучных путников.

Пока они беседовали, воины разложили костер и предложили чужеземцам воду и пищу. Путники, измученные жаждой, накинулись на воду, но от еды отказались.

Попытались также влить хоть несколько капель живительной влаги в сжатые губы старика, лежавшего на земле, но старик был мертв.

Крек стал расспрашивать несчастных, внимательно вглядываясь при свете костра в их худые, костлявые лица, покрытые грязью и царапинами.

Молодые женщины молчали, видимо совсем изнуренные, говорил только юноша.

– Мы пришли издалека. – Так начал он свой рассказ. – Наша родина там,

– и он указал рукой на темнеющий лес, – за этими горами и лесами. Там, в пещерах на берегу огромной реки, проживала наша семья. Нас было много, наши охотники были искусны, пещера была надежным приютом – мы не голодали и легко переносили суровые холода. Но вот две или три зимы тому назад поблизо-

сти поселилось чужое свирепое племя. Эти разбойники не только истребляли дичь в соседних лесах, но и нападали на наших охотников. Они устраивали засады возле нашей пещеры, похищали и убивали детей и женщин. Каждую ночь мы ждали нападения на пещеру. Мы не раз давали им суровый отпор. Но их было слишком много, и победить их мы не могли. Пришло время, когда почти все наши воины и охотники погибли в кровавой схватке с врагами. Оставшиеся в живых решили покинуть пещеру и, забрав женщин и детей, ушли искать спасения в лесах. Но враги гнались за нами, многих перебили или захватили в плен. Только я, эти женщины и этот старик спаслись от преследования. Мы шли, бежали куда глаза глядят, не останавливаясь ни днем ни ночью, и наши враги мало-помалу отстали. Тут только мы немного отдохнули. Этот старик взялся вывести нас к берегам прекрасного озера. Но путь был очень тяжел; старик был слаб: не раз он отчаивался и просил бросить его в лесу.

– Почему он просил вас об этом? – сказал Крек.

– Ему казалось, что он только обременяет нас, он был слеп.

– Слеп?

– Да, слеп. Он ничего не видел. Он был чужой нашему племени. Мы встретили его в лесу во время охоты. Он бродил в лесной чаще, умирая от голода. Откуда он, никто не знал. Наши вожди его подобрали и приютили.

– Приняли к себе слепого! На что он годен? – вскричал удивленный Крек. – Ваши вожди поступили не очень умно.

– Наши старейшины думали не так, – ответил юноша. – Они приняли слепого чужеземца потому, что он обещал, если ему сохранят жизнь, отблагодарить со временем за такую милость. Он обещал указать нам дорогу в неизвестную прекрасную страну, где тепло и много дичи, много вкусных плодов и кореньев. Там, говорил он, живется легко и привольно, и люди устраивают себе дома на воде.

«Так этот слепой видел наше озеро!» – подумал удивленный Крек.

– Слепой воин жил и кормился у нас, ожидая, когда наши старейшины решатся, наконец, переселиться в другую страну. Но они

слишком долго собирались... «Слепец много знает и полезен нам своими советами», говорил самый старый из наших вождей. И в самом деле, чужеземец знал и учил нас многим важным вещам.

– Значит, он сумел стать вам полезным, и вы были правы, оставив ему жизнь и приютив его у себя, – сказал Крек.

Крек, как и все первобытные люди, считал, что калек, убогих, обессилевших от болезней или старости – всех, кто стал тяжелой обузой для остальных, – надо изгонять, обрекая на гибель. Это был такой же долг, как помощь товарищу на охоте или отважная смерть в бою при защите родного очага.

Молодой чужеземец продолжал свой рассказ:

– Мы не бросили слепца, и я кормил его тем, что добывал на охоте. Он был добрым советником и опытным вожатым. Мы рассказывали ему о том, что видели и встречали на своем пути, – о небе и земле, о деревьях и растениях, – словом, обо всем. А он указывал нам, в какую сторону идти.

Путь был долгий и трудный. Слепой сла-

бел с каждым днем. Он боялся, что умрет, прежде чем доведет нас до чудесной страны. И вот однажды вечером он рассказал, куда нам идти. Он заговорил о народе, с которым мы должны встретиться.

«Они, наверно, дадут вам приют, потому что вы придете к ним просителями, а не врагами, – сказал он и затем прибавил: – Когда-то я тайно бродил по их владениям; я был не один, и глаза мои еще видели солнечный свет. Много дней я следил за этими людьми. К ним я и веду вас теперь. Они мирно ловили рыбу на берегах озера, плавали по воде на древесных стволах, искусно выдолбленных внутри. Мы захотели овладеть их прекрасными жилищами, чудным оружием, великолепными лодками. Тогда мы могли бы спокойно спать и всегда иметь обильную пищу. Мы несколько раз пытались победить их. Но все наши попытки были тщетны! Эти счастливые люди умели постоять за себя. Наконец мы решили захватить их врасплох и напали ночью на сонный поселок. Но и это не удалось. Много наших воинов погибло в бою. Некоторые, и среди них я, пытались спастись,

бросившись в темные воды озера...»

– Но вдогонку за ними кинулись победители, – подхватил Крек, с жаром перебив молодого чужеземца. – Вожатый должен был и это открыть вам, – прибавил он с усмешкой торжества. – Только один из беглецов остался живым. Как он спасся, я не знаю, но у него в схватке с нашим воином были выколоты глаза!

– Вождь, ты прав! – воскликнул юноша. – Я вижу, что попал к тем самым людям, о которых говорил мне старик. Вы как раз из этого племени, на которое он некогда напал. Вождь! – продолжал молодой человек твердым голосом, протягивая руки. – Делай со мной что хочешь, но пощади этих несчастных женщин! Я ваш пленник, но вашего врага уже нет в живых. Слепой и слабый, он умер как храбрый воин в схватке с медведем, который напал на него, пока мы ходили искать воду. Он был храбрец, и звали его Безглазым. Я сын вождя и меня зовут Ожо.

Крек и его братья вскрикнули от удивления.

– Ожо!.. – повторили вместе три брата. –

Ожо!

– Да, Ожо.

– Это он!.. Это брат!.. – прошептали Гель и Рюг, сжимая руки Крека и дрожа от радостного волнения.

– Я тоже так думаю, – пробормотал Крек, – но, – прибавил он, верный своей осторожности, – быть может, это враг, его зовут именем нашего брата Ожо.

И, обращаясь к чужеземцу, Крек громко спросил:

– Кто эти женщины?

– Эти женщины мои сестры, дочери вождя.

– Их зовут?

– Маб и Он.

Едва эти слова сорвались с уст незнакомца, как его обняли чьи-то сильные руки, и он услышал приветливые восклицания.

– Ожо, Ожо! – кричал вне себя от радости Крек. – Разве ты не узнаешь меня, и Геля, и Рюга?

Не нужно описывать изумление Ожо при этих словах, оно понятно и без слов.

Маб и Он казалось, что они видят во сне, будто маленький Крек превратился в пре-

красного молодого воина.

Затем Крек подошел к вождю, который прилег у костра, пока братья разговаривали с молодым незнакомцем. Крек рассказал ему, с кем они встретились, и почтительно просил его помиловать Ожо и сестер.

– Их привел сюда наш враг, но теперь он мертв. Ожо – ловкий, осторожный, преданный и честный юноша. Он будет усердно служить племени, которое примет его к себе. Я отвечаю за него, – сказал Крек.

– Если это так, Крек, я должен благодарить тебя, – сказал вождь, – ты даришь нашему племени нового полезного члена. Пусть будет по-твоему. Завтра я покажу нашим молодого воина.

Ночь прошла спокойно. Воины крепко спали, но Крек, Гель-рыболов и Рюг-большеухий, сидя у костра, наперебой рассказывали Ожо и сестрам, как они живут в поселке на озере. А Ожо еще раз повторил свой рассказ о последних годах жизни в пещере и гибели их семьи.

– Еще задолго до битвы, которая стала роковой для нашей семьи, – так закончил Ожо свою печальную повесть, – старейшины про-

стили тебе, Крек, смерть огня и сожалели, что ты ушел…

Наступал рассвет. Вождь проснулся и приказал немедля двинуться в путь. Через несколько часов дети пещеры подошли к берегам прекрасного озера. Годы тяжелых странствий и горькой разлуки окончились для них навсегда.